

Ярослав Золотарев

Приключения
Фомы Пильнякова
и Емельяна Брусничкина
в Томске и окрестностях

Ярослав Золотарёв

**Приключения Фомы Пильнякова
и Емельяна Брусничкина
в Томске и окрестностях**

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Приключения Фомы Пильнякова и Емельяна Брусничкина в
Томске и окрестностях / Я. Золотарёв — «Автор», 2026

«Том Сойер» и «Гекльберри Финн» Марка Твена — теперь в Сибири XIX века. Томск, 1881 год. Фомка Пильняков и Емелька Брусничкин — два приятеля, которым обычной городской жизни явно недостаточно. Фомка начитался приключенческих книг и уверен, что Сибирь ничем не хуже Америки. Очень скоро выясняется, что приключений здесь действительно хватает. Покраска забора и первая любовь сменяются убийством на кладбище, поисками клада, бегством из дома и путешествием по великим сибирским рекам. Друзей ждут таёжные беглецы, враждующие семьи, беглый каторжник, самозванные Герцог и Царевич, мошенничества, погони и побег из-под стражи. А Емельке придётся выяснить, всегда ли закон означает справедливость и что важнее — правила или верность другу. Вольная сибирская фантазия по мотивам двух знаменитых романов Марка Твена — приключенческая история с юмором, сатирой и реалиями старого Томска.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фома красит забор	5
Глава 2. Варя Крышникова	19
Глава 3. Емелька Брусничкин	28
Глава 4. Разбойники	40
Глава 5. Кладбище	49
Глава 6. Тайна доктора Робинсона	63
Глава 7. Синий Утёс	77
Глава 8. Герой Томска	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ярослав Золотарёв

Приключения Фомы Пильнякова и Емельяна Брусничкина в Томске и окрестностях

Глава 1. Фома красит забор

— Фома!

Ответа не было.

— Фома-а!

Дом ответил тишиной. Где-то во дворе кудахтала курица, а за открытым окном по Солдатской улице проехала телега.

Тётка Марья сняла очки и посмотрела вверх них, словно Фома мог прятаться прямо перед нею и только очки мешали его заметить.

— Вот ведь наказание господне, — сказала она. — Фома!

Из сеней донёсся слабый шорох.

Тётка Марья насторожилась.

— Кошка, — сказала она сама себе.

Шорох повторился.

Она взяла со стола прут и пошла в сени.

Дом у Пильняковых был небольшой, деревянный, но тётка Марья считала его вполне достаточным для честного человека. Фома считал иначе. По его мнению, в хорошем доме непременно должны быть чердак, тайный ход, подземелье и хотя бы одна комната, куда никто не заходил лет сто. Ничего этого в доме не было. Зато была кладовая, что несколько примирило Фому с архитектурой.

Дверь кладовой оказалась приоткрыта.

Тётка Марья распахнула её.

Внутри никого не было.

Она посмотрела направо, налево, под полку и зачем-то вверх. На полках стояли банки, мешочки, горшки и прочие вещи, которые взрослые запасают с большим трудом, а дети уничтожают без всякого труда.

— Фома, — сказала тётка Марья уже тихо. — Выходи. Я тебя всё равно вижу.

Это была неправда, но с Фомой такой способ иногда помогал.

Из-за большой кадки показалась вихрастая голова.

— А я и не прятался.

Тётка Марья посмотрела на него. Потом на открытую банку с вареньем. Потом опять на него.

— А это у тебя что?

— Где?

— На лице.

Фома быстро провёл рукавом по губам.

Это было ошибкой. Теперь варенье было не только на лице, но и на рукаве.

Тётка Марья вздохнула.

— Ведь говорила тебе: не трогай варенье.

Фома посмотрел на банку.

— Я только хотел посмотреть, не испортилось ли.

— И как?

— Не испортилось.

Тётка Марья схватила его за ворот.

— Вот я тебе сейчас покажу, как чужое варенье проверять!

Прут поднялся.

Фома скорчил лицо человека, который приготовился мужественно принять незаслуженное страдание. Потом глаза его вдруг расширились.

— Тётка! Сзади!

Тётка Марья обернулась.

Этого времени Фоме хватило.

Он вывернулся из воротника, одним прыжком оказался в сенях, другим — во дворе. Тётка Марья успела увидеть только его босые пятки. Через мгновение Фома уже взлетел на забор.

— Фома! Стой!

Фома остановился на самом верху.

Это было не послушание. Просто оттуда удобнее было вести переговоры.

— Ты вечером домой придёшь! — сказала тётка Марья.

Фома задумался.

— Приду.

— Вот тогда и получишь!

Фома снова задумался.

— Тогда, может, и не приду.

И исчез по другую сторону.

Тётка Марья выбежала к калитке, но было поздно. По Солдатской улице удалялась маленькая фигура, очень довольная собой.

— Погублю я мальчишку, — сказала тётка Марья.

Она вернулась в дом, поставила прут на место и посмотрела на открытую банку.

Фома был сыном её покойной сестры, и это сильно мешало правильному воспитанию. Каждый раз, когда тётка Марья собиралась наконец проявить необходимую строгость, ей вспоминалась сестра, и это мешало. Но тётка Марья знала, что так нельзя.

Она знала это уже много лет и всё это время поступала именно так.

— Нет, — решительно сказала она. — На этот раз не отвертится. Завтра суббота. Все мальчишки гулять будут, а он у меня поработает.

Эта мысль несколько её утешила.

К вечеру Фома вернулся домой.

Он вошёл через калитку спокойно, даже несколько медленно. Человек, которому нечего скрывать, именно так и должен входить домой. Особенно если ему есть что скрывать.

Тётка Марья сидела у окна и штопала чулок.

— Нагулялся?

— Нагулялся.

— В училище был?

— Был.

Фома отвечал без запинки. За несколько часов он успел хорошо подготовиться к этому разговору.

Тётка Марья отложила чулок.

— Жарко сегодня было.

— Жарко.

— Небось, хорошо сейчас на Томи.

— Наверное.

— Вода тёплая.

— Не знаю.

Это был хороший ответ. Фома остался им доволен.

Тётка Марья подозвала его пальцем.

— Подойди-ка.

Фома подошёл.

Она потрогала его рубаху.

Сухая.

Провела рукой по волосам.

Тоже сухие.

Фома внутренне торжествовал. Он купался давно и предусмотрительно провёл остаток дня на солнце.

Но тётка Марья ещё не закончила следствие.

Перед уходом она собственноручно зашила ворот его рубахи белой ниткой. Если бы Фома снимал рубаху, чтобы купаться, нитку пришлось бы разорвать.

Нитка была на месте.

Тётка Марья даже немного расстроилась.

Ей хотелось поймать Фому, но ещё больше хотелось поверить, что сегодня он действительно оказался хорошим мальчиком.

— Ну, значит, зря я на тебя подумала.

— Зря, — подтвердил Фома.

— Может, и вправду начинаешь за ум браться.

— Начинаю.

Фома сказал это скромно.

На другом конце стола сидел Сидор и читал книгу.

Сидор был примерно одного возраста с Фомой, но этим их сходство почти исчерпывалось. Он никогда не лазил через окно, не пропускал занятий, не дрался без уважительной причины и вообще обладал теми достоинствами, которые особенно неприятны, когда ими обладает другой мальчик.

Фома посмотрел на него.

Сидор продолжал читать.

Тётка Марья снова взяла чулок.

Фома уже собирался уходить, когда Сидор сказал:

— Тётушка.

Фома остановился.

— Что тебе?

— А зачем вы утром Фоме ворот белой ниткой зашили?

Тётка Марья подняла голову.

— Чтобы знать, снимал он рубаху или нет.

— А-а.

Сидор опять посмотрел в книгу.

Фома не двигался.

Тётка Марья тоже.

— А что? — спросила она.

— Да я просто заметил... Сейчас нитка чёрная.

Тётка Марья медленно сняла очки.

Фома посмотрел на свой ворот.

Там действительно была чёрная нитка.

Он всё предусмотрел. Он даже захватил с собой иголку и нитку и после купания аккуратно зашил ворот. Он не учел только того, что утром тётка Марья взяла белую.

Несколько секунд Фома размышлял, нельзя ли сказать, что нитка почернела от жары.

Он решил не унижать себя такой слабой защитой.

— Фома Пильняков!

Фома вздохнул.

— Ну купался.

— А училище?

— Был.

— Когда?

— До купания.

— Значит, сбежал!

— Я не сбежал. Я ушёл.

— Без спросу!

— Если бы спросил, меня бы не отпустили.

Логика была безупречна, но почему-то не помогла.

Тётка Марья встала.

— Завтра все будут гулять, а ты останешься дома.

Фома посмотрел в окно. Суббота без свободы представлялась ему тяжёлым наказанием, но пока ещё переносимым.

— И покрасишь забор.

Фома насторожился.

— Какой?

— Наш.

— Весь?

— Весь.

Теперь размеры бедствия стали понятны.

Усадьба Пильняковых стояла на углу Солдатской и Бульварной, и вдоль Бульварной тянулся забор, который Фома всегда считал неоправданно длинным. До сих пор он не имел ничего против его длины, потому что никогда не предполагал, что однажды длина забора станет его собственной проблемой.

— Марья, да его до вечера не покрасишь.

— Значит, до вечера и будешь красить.

— А если до вечера не кончу?

— В воскресенье докрасишь.

Это было уже страшно.

— В воскресенье нельзя работать.

— Вот и постарайся в субботу.

Фома понял, что попался.

Он посмотрел на Сидора.

Сидор читал.

— Спасибо, Сидор, — сказал Фома.

— За что?

— Я тебе потом объясню.

Сидор поднял глаза и впервые за весь разговор проявил некоторое беспокойство.

Тётка Марья отправила Фому умываться к ужину.

Проходя мимо Сидора, Фома шепнул:

— Чёрная нитка.

— Что?

— Запомни эти слова. Они будут последние, которые ты услышишь перед смертью.

Сидор немедленно пожаловался тётке Марье.

Это несколько испортило торжественность угрозы.

После ужина Фома снова вышел на улицу.

До темноты оставалось ещё достаточно времени, а сидеть дома рядом с Сидором он не хотел. Кроме того, человеку, которого на следующий день ожидал целый забор, следовало как можно разумнее распорядиться последними часами свободы.

Фома дошёл до Бульварной и увидел незнакомого мальчика.

Мальчик был примерно его лет, но одет так, словно собирался не гулять, а фотографироваться. На нём были чистая куртка, хорошие сапоги и картуз, который сидел ровно и этим одним уже вызывал раздражение.

Фома остановился.

Незнакомец тоже остановился.

Некоторое время они рассматривали друг друга.

— Чего глядишь? — спросил Фома.

— А ты чего?

— Я первый спросил.

— Ну и спрашивай.

Фома почувствовал, что разговор принимает неправильное направление.

— Ты откуда такой?

— А тебе какое дело?

Это был уже почти вызов.

Фома подошёл ближе.

— Ты, я вижу, больно нарядный.

Мальчик посмотрел на собственную одежду, словно до этой минуты не замечал её.

— А ты больно грязный.

После этого мирное разрешение спора стало невозможно.

— Я тебя побью, — сказал Фома.

— Попробуй.

Фома не ожидал, что дело пойдёт так быстро.

Он провёл носком ноги черту на земле.

— Переступи.

Мальчик переступил.

Фома посмотрел на черту. Обычно этот приём давал ещё несколько минут для переговоров.

— Ты зачем переступил?

— Ты сам сказал.

— А если я скажу в Томь прыгнуть, тоже прыгнешь?

— Сам прыгай.

— Боишься?

— Тебя?

— Меня.

— Вот ещё.

Они стояли уже почти вплотную.

— Как звать-то? — спросил Фома.

— Не твоё дело.

— Значит, боишься сказать.

— Ничего я не боюсь.

— Тогда скажи.

— Сначала ты.

Фома задумался. Назвать себя первым означало уступить.

— А я тебя и без имени побью.

— Ну бей.

Фома толкнул его.

Незнакомец толкнул Фому.

Через несколько секунд оба катались в пыли.

Дрались они без всякой системы. Фома успел получить локтем в ухо, незнакомец — коленом в бок; кто-то лишился картуза, кто-то пуговицы. Несколько раз каждый из них был совершенно уверен, что побеждает, хотя со стороны это было трудно определить.

Наконец Фоме удалось усесться противнику на грудь.

— Сдавайся!

— Не сдамся!

Фома прижал его сильнее.

— Говори: довольно!

— Не скажу!

— Тогда сиди.

Так они просидели некоторое время.

Незнакомец попробовал вывернуться, но неудачно.

— Довольно, — буркнул он наконец.

Фома немедленно отпустил его и встал с видом победителя.

Незнакомец поднялся, отряхнулся и посмотрел на разорванный рукав.

— Я брату скажу.

Фома презрительно усмехнулся.

— Зови хоть двух братьев.

— Он тебя побьёт.

— Пусть приходит.

— Он старше.

— Тем лучше.

На самом деле Фома предпочёл бы, чтобы брат оказался младше, но менять заявление было поздно.

Незнакомец поднял картуз и пошёл прочь.

Фома двинулся следом.

— Ты куда за мной идёшь? — спросил мальчик.

— А я не за тобой.

— А за кем?

— По своим делам.

У Фомы никаких дел на Елани не было.

Он проводил противника почти до самого дома, время от времени напоминая, что совершенно его не преследует. У калитки незнакомец вдруг обернулся, схватил комок земли и бросил.

Комок попал Фоме в грудь.

Незнакомец исчез за калиткой.

Фома бросился следом, но калитка уже захлопнулась.

— Выходи! — крикнул он.

Никто не вышел.

— Выходи, если не трус!

Из-за забора показалась голова.

Фома приготовился продолжить спор, но голова принадлежала взрослой женщине.

— Ты чего тут орёшь?

— Ничего.

— Ступай домой!

Фома решил, что победа и без того достаточно полная, и удалился.

Когда он вернулся на Солдатскую, уже темнело.

Тётка Марья встретила его у калитки.

Она молча посмотрела на разорванную рубаху, оторванную пуговицу, пыльные штаны и распухшее ухо.

Фома тоже посмотрел на себя.

— Упал, — сказал он.

Тётка Марья перевела взгляд на его разбитые костяшки.

— Несколько раз, — добавил Фома.

— Спать.

— А завтра?..

— Забор.

Фома тяжело вздохнул и пошёл в дом.

Теперь субботнее наказание казалось окончательно неизбежным.

Если бы он знал, чем оно кончится, он лёг бы спать гораздо веселее.

Субботнее утро оказалось прекрасным.

Это было особенно несправедливо.

Небо стояло ясное, солнце уже пригревало крыши, по Солдатской тянулись телеги, где-то лаяли собаки, а за соседними заборами кричали мальчишки, которым никто не поручил ничего полезного.

Фома вышел во двор. У стены стояло ведро с краской. Рядом лежала кисть. За ними был забор.

Вчера вечером Фоме казалось, что тётка Марья несколько преувеличивает размеры предстоящей работы. При свете утра выяснилось, что она, наоборот, скрыла от него всю правду.

Дом Пильняковых стоял на углу Солдатской и Бульварной. Забор тянулся вдоль Бульварной, потом поворачивал и продолжался дальше по Солдатской. Фома посмотрел в одну сторону, потом в другую.

Конца ему почти не было видно.

Он прикинул, сколько досок сумеет покрасить за час, сколько часов остаётся до вечера и сколько лет вообще живёт человек.

Расчёты получились неутешительные.

Тётка Марья вышла на крыльцо.

— Чего стоишь?

— Думаю.

— Крась.

Фома взял кисть.

Тётка Марья постояла ещё немного, убедилась, что первый мазок действительно появился на заборе, и ушла в дом.

Фома сделал второй.

Потом третий.

Потом положил кисть и сел на перевёрнутое ведёрко.

Жизнь представлялась ему испорченной.

Сегодня мальчишки собирались идти к реке. Потом можно было забраться куда-нибудь, куда взрослые запрещали забираться. Можно было устроить войну. Можно было искать клад.

Наконец, можно было просто ничего не делать, что в хорошую погоду тоже является прекрасным занятием.

Вместо этого Фома красил забор.

Недавно он слышал в школе, что Сибирь — это русская Америка.

Фоме эта мысль понравилась.

Об Америке он знал главным образом из книг. Там были индейцы, разбойники, золото, пещеры, пароходы и мальчики, которым постоянно случалось что-нибудь интересное.

Теперь Фома посмотрел на забор и впервые усомнился в образованности образованного человека. Если Сибирь была Америкой, то какая-то неправильная. Американский мальчик в субботу утром непременно уже плыл бы по великой реке, спасался от индейцев или хотя бы находил золото.

Сибирский мальчик красил забор.

Фома снова взял кисть и провёл ею по доске.

Потом ещё раз.

Работа интереснее не стала.

Он принялся изучать своё имущество.

В карманах обнаружили две пуговицы, кусок бечёвки, кремёнок, гвоздь неизвестного назначения и половинка грецкого ореха, давно лишившаяся съедобной части. Имелся ещё складной ножик, но ножик был настоящим сокровищем и потому не мог использоваться для решения обычных жизненных затруднений.

Фома задумался, нельзя ли нанять кого-нибудь вместо себя.

Во дворе появился Сидор.

— Сидор!

Тот остановился.

— Чего?

— Хочешь заработать?

Сидор сразу насторожился.

— Сколько?

Фома ещё раз осмотрел своё состояние.

— Пуговицу.

— Какую?

Фома показал большую медную.

Сидор подошёл ближе.

— А делать что?

— Красить.

Сидор посмотрел на забор.

— Весь?

— Не весь. Половину.

— За одну пуговицу?

— Она хорошая.

Сидор внимательно осмотрел пуговицу.

— Нет.

— Две.

— Нет.

— И бечёвку.

— Сам крась.

Сидор направился к калитке.

— А ты куда?

— Гулять.

Это слово причинило Фоме почти физическую боль.

— Иди, — сказал он. — Очень надо.

Сидор вышел на улицу.

Фома снова остался один.

Он сделал ещё несколько мазков.

Положение было безнадёжным. Его имущество не позволяло приобрести даже одного работника, а собственных сил явно не хватало.

И тут из-за угла донёсся свист.

Фома замер.

По Бульварной кто-то приближался.

Свист был весёлый, беззаботный и принадлежал человеку, которому сегодня не надо было красить никакого забора. Через несколько секунд Фома узнал голос. Это был Венька Рожков.

Фома представил, что сейчас произойдёт. Венька увидит его с кистью. Потом остановится. Потом спросит, как работа. Потом сообщит, что сам идёт гулять.

Этого нельзя было допустить.

Фома посмотрел на кисть.

Потом на забор.

Потом снова на кисть.

И вдруг выражение его лица изменилось.

Он встал, обмакнул кисть в краску и медленно провёл ею по доске.

Отступил на два шага.

Прищурился.

Немного поправил мазок.

Снова отступил и внимательно осмотрел результат.

Когда Венька Рожков показался из-за угла, Фома Пильняков уже не был наказанным мальчиком.

Он был мастером.

Венька Рожков шёл по Бульварной, насвистывая и подбрасывая яблоко. Увидев Фому, он сразу перестал свистеть. Случай был слишком хорош, чтобы пройти мимо.

— А я на Томь иду, — сообщил он. — Купаться.

Фома ничего не ответил. Он осторожно провёл кистью по верхнему краю доски, отступил, посмотрел на работу и слегка покачал головой.

— А ты чего не идёшь?

Фома снова обмакнул кисть в краску.

— Некогда.

— Тебя заставили забор красить? Тётка наказала?

Фома пожал плечами и опять принялся за работу. На этот раз он сделал всего один мазок, зато долго его рассматривал.

Венька засмеялся.

— Хорошо тебе! Все купаться идут, а ты работай.

Фома посмотрел на него с некоторым сожалением.

— Ты это работой называешь?

Венька перестал смеяться.

— А чем же?

— А ты забор каждый день красишь?

Венька задумался.

— Нет.

— А тебе дадут красить?

Венька посмотрел на забор, потом на кисть.

— А чего не дадут-то?

Фома усмехнулся.

— Ну попроси тётку Марью.

Венька ещё раз посмотрел на забор. До этой минуты ему никогда не приходило в голову, что для покраски забора может требоваться особое разрешение.

Фома тем временем занялся особенно трудным местом. Он положил краску на доску, растёр её, наклонил голову сначала вправо, потом влево и наконец удовлетворённо кивнул.

— Тут главное ровно, — объяснил он. — Если потечёт, уже не исправишь.

Венька подошёл ближе.

— Дай попробовать.

— Ещё чего.

— Один раз.

— Нет.

— Я умею.

Фома посмотрел на него с сомнением.

— Все умеют, пока кисть не дадут.

Теперь Веньке захотелось красить по-настоящему.

— Да дай! Я только одну доску.

Фома покачал головой.

— Тётка мне доверила. Забор на самой Бульварной. Тут всякий ходит, всякий видит. Ты испортишь, а отвечать мне.

— Не испорчу.

— Откуда я знаю?

Фома вздохнул. Видно было, что просьба ставит его в трудное положение.

— Нет, Венька. Иди лучше купаться.

Венька посмотрел на яблоко в своей руке.

— Хочешь половину?

Фома продолжал красить.

— Чего?

— Яблока.

— Не хочу.

Это была неправда. Яблоко было большое и красное, и Фома хотел его с той самой минуты, как увидел. Но теперь речь шла уже не просто о яблоке.

— Целое дам.

Кисть остановилась.

Фома медленно повернулся.

— Целое?

— Целое. Только дай немного покрасить.

Фома посмотрел на яблоко. Потом на забор. Потом на Веньку.

— Ладно, — сказал он наконец. — Только одну доску. И если тётка выйдет, я тебя сразу прогоню.

Венька сунул ему яблоко и схватил кисть.

Фома сел в тени у забора и откусил большой кусок.

Венька работал старательно. Сначала он красил слишком быстро, но Фома сделал ему замечание. Потом слишком медленно — Фома снова поправил. Через несколько минут Венька уже трудился молча, высунув от усердия язык, а Фома ел яблоко и наблюдал за ним.

Так продолжалось довольно долго.

Потом на Бульварной показались ещё двое мальчишек.

Фома увидел их раньше Веньки и спрятал огрызок за спину.

Он уже понимал, что одно яблоко — это случайность.

А два работника — это предприятие.

Мальчишки подошли и остановились.

— Рожков, ты чего делаешь?

Венька даже не обернулся.

— Не видишь?

— А чего Фомка сидит?

— Его дело.

Фома понял, что Венька оказался прекрасным работником. Мало того что тот красил забор за собственное яблоко, он уже начинал защищать право это делать.

— Дай и мне, — сказал один из мальчишек.

Фома посмотрел на него.

— Кисть одна.

— Я после Веньки.

— После Веньки, может, Мишка будет.

Никакого Мишки Фома пока не ждал, но присутствие неизвестного соперника сразу подняло цену.

Мальчишка полез в карманы. После непродолжительных поисков он извлёк складной ножик. Одного лезвия у ножика не было, второе плохо складывалось, но это всё-таки был ножик.

Фома взял его, осмотрел и попробовал ногтем лезвие.

— Плохой.

— Хороший!

— Ржавый.

— Почистить можно.

— Ручка треснула.

— Зато режет.

Фома ещё немного подумал.

— Ладно. После Веньки.

Второй мальчишка тоже полез в карманы.

Через полчаса дело было поставлено прочно. Венька уступил кисть следующему работнику и отправился купаться с приятным чувством человека, который хорошо провёл утро. На его место заступил владелец ножика. За ним уже ждали ещё двое.

Фома сидел в тени и богател.

К полудню у него были ножик, стеклянный шарик, медная пуговица с орлом, три гвоздя, кусок сургуча, свисток, катушка хорошей нитки и две копейки настоящими деньгами. Кроме того, один мальчик обещал дать Фоме пострелять из рогатки, а другой уступил право первым залезть в старый сарай за Бульварной, если когда-нибудь взрослые забудут его запереть.

Последнее приобретение Фома ценил особенно высоко.

Желающих красить становилось всё больше. Теперь Фоме уже не приходилось объяснять, почему это интересно. Мальчишки сами видели очередь и понимали, что дело, за которое другие готовы платить, непременно должно быть хорошим.

Некоторые пытались получить кисть бесплатно, ссылаясь на дружбу.

Фома был непреклонен.

— Если всем друзьям давать, мне самому ничего не останется.

Это объяснение казалось разумным даже ему самому.

Один мальчик предложил помочь просто так, из товарищества. Фома отказал ему особенно решительно. Бесплатная работа могла погубить всё предприятие.

К обеду забор был покрашен далеко дальше того места, до которого Фома рассчитывал добраться к вечеру. На некоторых досках лежало уже по два слоя: очередной работник не хотел ждать, пока предыдущий освободит непокрашенное место, и Фома разрешал ему пройти по уже готовому участку. Краски становилось всё меньше.

Фома начал беспокоиться.

Не потому, что забор мог остаться недокрашенным. Напротив, он впервые понял, что забор может закончиться раньше, чем желающие его красить.

Он обошёл усадьбу и внимательно осмотрел ворота.

Ворота тоже нужно было покрасить.

Потом посмотрел на калитку. И калитку.

Фома уже собирался расширить предприятие, когда из дома вышла тётка Марья.

Мальчишки мгновенно притихли.

Тётка Марья остановилась на крыльце и долго смотрела на забор. Потом на мальчишек. Потом на Фому, который стоял рядом с ведром и держал кисть так, будто только что на минуту передал её помощнику.

— Это что такое?

Фома приготовился защищаться.

— Забор.

— Я вижу, что забор. А они тут зачем?

Фома быстро придумал ответ.

— Помогают.

Тётка Марья посмотрела на него с подозрением.

— Бесплатно?

Фома замялся.

— Почти.

Это слово ей не понравилось ещё больше.

Она подошла к забору и провела пальцем по высохшему месту. Потом осмотрела другой участок. Забор был покрашен. Причём покрашен гораздо лучше и дальше, чем она ожидала.

Тётка Марья снова посмотрела на Фому.

В её взгляде впервые появилось сомнение. Возможно, она всё-таки неправильно судила о мальчике.

Тётка Марья пошла вдоль забора. Фома следовал за ней на некотором расстоянии.

Он не знал, что именно она собирается проверять, но опыт подсказывал: когда взрослый молчит, лучше тоже молчать.

Тётка Марья дошла до угла, вернулась, ещё раз посмотрела на доски и наконец сказала:

— Хорошо.

Фома облегчённо вздохнул.

— Я старался.

Это была чистая правда. Никогда ещё он так не старался.

— Не ожидала от тебя.

Фома скромно опустил глаза.

Тётка Марья посмотрела на оставшихся мальчишек. Один держал кисть, другой ждал своей очереди.

— А этих ты зачем позвал?

— Они сами.

— Сами захотели красить забор?

В голосе тётки Марьи было недоверие. Она прожила достаточно долго и никогда не встречала человека, который сам хотел бы красить чужой забор.

— Ну ладно. Только краску зря не переводите.

Она уже собиралась уйти, но остановилась.

— Фома.

— Чего?

— Поди сюда.

Фома подошёл осторожно. Неожиданные проявления доброты со стороны взрослых всегда требовали осторожности.

— За хорошую работу полагается награда.

Тётка Марья повела его в дом.

В кладовой она открыла ту самую банку с вареньем, из-за которой начались вчерашние неприятности, отрезала большой кусок хлеба и густо намазала его.

— На.

Фома взял хлеб.

Он посмотрел на варенье, потом на тётку Марью.

Вчера за это варенье его собирались высечь. Сегодня ему выдавали его за примерное поведение.

Фома решил, что взрослые устроили мир довольно сложно, но если внимательно наблюдать, в нём можно жить.

— Спасибо.

— Вот видишь, — сказала тётка Марья. — Можешь ведь, когда захочешь. Работал бы всегда так — цены бы тебе не было.

Фома ничего не ответил. Он уже примерно представлял, какую цену ему можно назначить.

Во дворе его ждали.

— Теперь я! — крикнул один мальчик.

— Нет, я раньше!

Фома откусил хлеб с вареньем и вышел к забору.

К вечеру краска кончилась. Только это спасло мальчишек Томска от окончательного разорения.

Фома же вступил в субботу бедным человеком, владевшим несколькими пуговицами, куском бечёвки и старым гвоздём, а закончил её владельцем ножика, свистка, стеклянного шарика, двух копеек, и множества других полезных 12-летнему мальчику штук.

В этот день Фома Пильняков открыл важный закон человеческой жизни: если человека заставить что-нибудь делать, он назовёт это работой и потребует платы. Если же убедить его, что делать это разрешают не каждому, он сам заплатит за право поработать.

Фома не знал, что этот закон давно известен взрослым.

Взрослые вообще многое открывали раньше детей, а потом почему-то не рассказывали им самого интересного.

Глава 2. Варя Крышникова

После обеда Фома отправился гулять.

Он был богат, свободен и находился в прекрасном расположении духа. В карманах лежали две копейки, ножик, стеклянный шарик и ещё несколько вещей, приобретённых за утро. Забор был покрашен, тётка Марья довольна, а впереди оставалась почти целая суббота.

Фома решил навестить Анюту Лаврентьеву.

Анюта уже три недели была его единственной любовью. До неё единственной любовью была Катя, но это было давно и теперь почти не считалось. Ради Анюты Фома однажды подрался, дважды прошёл мимо её дома без всякой надобности и даже собирался написать ей записку. Записка не получилась, потому что после слов «Дорогая Анюта» Фома не смог придумать ничего такого, чего не стыдно было бы написать.

Он уже свернул с Солдатской, когда увидел незнакомую девочку.

Фома остановился.

Девочка стояла у калитки большого хорошего дома. Ей было лет десять или одиннадцать. На ней было светлое платье, волосы были заплетены в две косы, а в руках она держала цветок.

Фома забыл, куда шёл.

Через несколько секунд он вспомнил про Анюту Лаврентьеву и с некоторым удивлением обнаружил, что больше её не любит.

Это вышло так быстро, что Фома даже почувствовал лёгкую неловкость. Три недели казались ему до этой минуты довольно большим сроком.

Незнакомая девочка посмотрела на него. Фома немедленно принял равнодушный вид.

Он прошёл мимо дома, посвистывая и глядя куда-то в сторону. Дойдя до следующего двора, остановился, будто вспомнил важное дело, и пошёл обратно.

Девочка всё ещё была у калитки.

На этот раз Фома решил показать ей, что представляет собой человек необыкновенных способностей.

Он подбросил яблоко, оставшееся от утренней торговли, и поймал его за спиной. Потом попробовал сделать это ещё раз и уронил яблоко в пыль.

Фома быстро поднял его и сделал вид, что именно так всё и задумывалось.

Девочка улыбнулась.

Этого было достаточно.

Фома прошёл по краю канавы, балансируя руками. Потом перепрыгнул через неё там, где она была особенно широкой. Потом увидел невысокий столб и попытался вскочить на него. С первого раза не получилось, но второй был удачнее.

Девочка смотрела.

Фома почувствовал себя знаменитым путешественником, за которым следит весь Томск.

Он придумал ещё несколько подвигов. Поднял камень и бросил его через забор. Прошёл задом наперёд. Перепрыгнул через собственную ногу.

Наконец из дома позвали:

— Варя!

Теперь Фома знал её имя.

— Иду!

Варя открыла калитку, потом вдруг обернулась. Фома в это время стоял на одной ноге и собирался исполнить особенно сложный прыжок. Увидев, что она смотрит, он немедленно прыгнул.

Прыжок удался не вполне. Фома упал на колено, но поднялся так быстро, что происшествие можно было принять за часть представления.

Варя засмеялась и скрылась за калиткой.

Фома подошёл к дому.

На земле возле калитки лежал цветок.

Он оглянулся. Улица была почти пустая.

Фома поднял цветок.

Конечно, Варя могла просто его уронить. Но такая мысль была слишком глупой, чтобы долго её рассматривать.

Фома спрятал цветок за пазуху.

Теперь всё было ясно.

Её звали Варя. Она была прекрасна. Она видела его подвиги. Она оставила ему цветок.

Оставалось только узнать, кто она такая.

Это оказалось нетрудно. У соседнего двора сидела старуха, которая знала всё, что происходило на улице, а также многое из того, чего никогда не происходило.

— Бабушка, — спросил Фома, — а кто тут живёт?

— Где?

— Вот.

— Крышниковы.

— А девочка?

— Варвара. Судьи Крышникова дочь. Недавно приехала.

Фома кивнул, словно именно это и предполагал. Дочь судьи была даже лучше обыкновенной девочки.

Фома пошёл домой.

Про Анюту Лаврентьеву он больше не вспоминал.

Впрочем, это было несправедливо. Через несколько минут он всё-таки вспомнил о ней и решил, что когда-нибудь надо будет сообщить Анюте, что между ними всё кончено.

Весь вечер Фома думал о Варе.

За ужином тётка Марья дважды велела ему не размахивать ложкой и один раз спросила, не заболел ли он. Фома отвечал невпопад. Сидор внимательно за ним наблюдал, но на этот раз не сумел найти ничего, на что можно было бы пожаловаться.

Перед сном Фома достал цветок и долго его рассматривал.

Цветок уже начал вянуть, но от этого становился только дороже. Фома решил сохранить его до смерти. Потом подумал, что это может оказаться долго, и решил хотя бы до свадьбы.

Лёжа в постели, он представлял себе Варю. Потом представил, как завтра встретит её. Потом — как спасёт от разбойников. Разбойников было пятеро. Фома сначала хотел сделать их десять, но решил не хвастаться хотя бы перед самим собой.

Сон не шёл.

Через некоторое время он услышал ровное дыхание Сидора, осторожно поднялся, оделся и вышел через окно.

До дома Крышниковых было далеко, но теперь это не имело никакого значения. Днём Фома считал дорогу в центр города длинной и утомительной. Ночью оказалось, что любовь значительно сокращает расстояния.

Томск постепенно затихал. Редкие прохожие торопились по своим делам, за заборами лаяли собаки, где-то ещё горел свет. Фома шёл быстро и только возле дома Крышниковых замедлил шаг.

В одном из окон второго этажа светилась лампа. Фома решил, что это непременно окно Вари.

Он пробрался к забору и некоторое время стоял в темноте, глядя вверх. Ничего не происходило.

Через пять минут ему стало холодно. Через десять заболела шея. Через пятнадцать он начал подозревать, что влюблённым приходится гораздо тяжелее, чем об этом пишут в книгах.

Наконец в окне мелькнула тень.

Сердце Фомы забилося.

Он прижался к забору.

Тень исчезла.

Фома решил, что Варя увидела его.

Теперь следовало сделать что-нибудь такое, что она запомнит навсегда.

Он отошёл от забора и лёг на землю.

Это показалось ему очень удачным.

Утром Варя выйдет из дома и увидит его бездыханное тело. Она сразу поймёт, что Фома умер от любви. Варя бросится к нему, будет плакать и всю жизнь жалеть, что вчера только засмеялась, когда он упал на колени.

Фома представил эту сцену во всех подробностях.

Особенно хорошо получались похороны.

На них придёт весь Томск. Тётка Марья будет рыдать. Сидор поймёт наконец, кого потерял. Венька Рожков расскажет всем, каким человеком был покойный. Даже судья Крышников снимет шапку и скажет, что редко встречал мальчика с таким благородным сердцем.

Варя, конечно, будет безутешна.

Фома так растрогался, что почти простил ей свои будущие страдания.

Только лежать было неудобно. Под спину попал камень.

Фома немного передвинулся и снова умер.

В окне наверху погас свет.

Это было неприятно. Варя теперь не могла видеть его смерти.

Фома решил полежать ещё немного на случай, если она снова подойдёт к окну.

Вдруг где-то рядом скрипнула дверь. Он замер. Послышались шаги.

Фома приготовился к самому важному мгновению своей жизни.

Над забором показалась чья-то фигура.

Фома приподнял голову.

— Кто там? — спросил женский голос.

Он не ответил.

Женщина постояла, потом сказала:

— Опять кошки.

Фома хотел возмутиться, но не успел. Из-за забора выплеснулась вода. Она попала ему прямо на голову.

Фома вскочил.

За забором захлопнулась дверь. Фома стоял посреди улицы мокрый, оскорблённый и временно неспособный подобрать слова.

Потом посмотрел на тёмное окно.

Любовь к Варе не прошла.

Но желание умереть возле её дома значительно уменьшилось.

Обратно на Солдатскую Фома шёл гораздо быстрее, чем сюда.

Оказалось, что любовь сокращает расстояния только в одну сторону.

Утром тётка Марья разбудила Фому раньше, чем ему хотелось.

— Вставай. В воскресную школу опоздаешь.

Фома открыл глаза и некоторое время пытался понять, почему человек обязан вставать рано даже в тот день, когда работать нельзя.

Потом он вспомнил Варю.

— Встаю.

Такая готовность удивила тётку Марью. Обычно по воскресеньям Фому приходилось будить несколько раз.

Фома оделся, умылся без напоминания и даже позволил причесать себя. Тётка Марья окончательно встревожилась.

— Смотри у меня, ничего не натвори.

— А чего я натворю?

Этот вопрос никогда не успокаивал тётку Марью.

До Благовещенской площади было далеко. Сначала Фома шёл бодро, но скоро воскресная решимость начала слабеть. Солдатская осталась позади, потом осталась Бульварная, а город всё продолжался. Фома не раз замечал, что взрослые особенно любят устраивать полезные места подальше от детей.

Он уже собирался перейти на более медленный шаг, когда вспомнил, что Варя может быть там. После этого дорога снова стала короче.

Воскресные занятия проходили неподалёку от собора, в доме, где по будним дням Фоме делать было совершенно нечего. По воскресеньям здесь собирались дети, которых родители решили сделать благочестивее, чем они были от природы.

Начальствовал над ними господин Вальтер.

Вальтер был немец. Это обстоятельство Фома считал важным, потому что оно объясняло почти всё странное в его характере.

Господин Вальтер любил порядок. Он любил, чтобы дети приходили вовремя, сидели прямо, отвечали по очереди и получали награду ровно за то, за что полагалась награда. Для этой цели он завёл билетики.

За выученные стихи Священного Писания выдавался синий билет. Несколько синих можно было обменять на красный, красные — на жёлтые, а набравший положенное число билетов получал Библию.

Система была прекрасна.

Единственным её недостатком были дети.

Фома появился у дверей и сразу увидел Веньку Рожкова.

— У тебя билеты есть?

Венька подозрительно посмотрел на него.

— Есть.

— Сколько?

— А тебе зачем?

— Покажи.

Венька достал два синих билета.

Фома осмотрел их.

— Продашь?

Венька подумал.

— Что дашь?

Начался торг.

За два билета Фома отдал медную пуговицу и право три раза свистнуть в свисток. Сам свисток остался у него. Фома считал эту сделку особенно удачной.

Через несколько минут он купил ещё один билет за гвоздь, который вчера сам считал совершенно бесполезным. Потом обменял кусок сургуча на два. Стекланный шарик принёс сразу несколько билетов, и Фома расстался с ним тяжело, но времена требовали жертв.

— Ты чего их собираешь? — спросил Венька.

— Надо.

— Библию хочешь?

— Может, и хочу.

Венька засмеялся.

— Ты?

Фома посмотрел на него холодно.

— А что?

— Ты же ничего не учил.

— А билеты есть?

Этот вопрос поставил Веньку в тупик.

Фома продолжил торговлю.

Вскоре вокруг него собралась небольшая толпа. Одни продавали билеты, другие выясняли цены, третьи просто смотрели. Господин Вальтер несколько раз требовал тишины, но торговля только перемещалась подальше от него.

Наконец Вальтер хлопнул ладонью по столу.

— Господа! Занятия начинаются!

Все расселись.

Фома сел поближе к двери и пересчитал приобретения. До Библии ещё не хватало.

И тут дверь открылась.

Господин Вальтер, который только что сердито смотрел на учеников, вдруг расправил плечи и улыбнулся.

В комнату вошёл судья Крышников. Рядом с ним шла Варя. Фома посмотрел на свои билеты. И Библия стала ему очень нужна.

Судья Крышников был человек важный. Это было видно не только по его должности, но и по тому, как изменился господин Вальтер.

За минуту до его появления Вальтер сердился на мальчишек, требовал тишины и обещал выгнать двоих за дверь. Теперь оказалось, что дети сидят прекрасно, занятия идут превосходно, а вся система воскресного обучения приносит замечательные плоды.

— Господин судья! Какая честь!

Вальтер поспешил навстречу гостю.

Судья Крышников поздоровался и представил Варю. Фома слушал очень внимательно, хотя имя её уже знал. Потом судья сказал несколько любезных слов об образовании, Вальтер ответил несколькими ещё более любезными словами о пользе просвещения, и оба остались довольны друг другом.

Фома смотрел только на Варю. Варя его тоже заметила. Сначала она нахмурилась, словно вспоминала, где видела этого мальчика. Потом узнала.

Фома немедленно сел прямее.

Теперь надо было совершить что-нибудь выдающееся.

Он пересчитал билеты ещё раз. Не хватало много.

Фома толкнул локтем сидевшего рядом мальчика.

— Продай красный.

— Не продам.

— Две копейки.

Мальчик посмотрел на него с уважением. Две копейки были серьёзным предложением.

— И пуговицу.

— Какую?

Фома показал последнюю хорошую пуговицу.

Через минуту красный билет сменил хозяина.

Но этого всё ещё было мало.

Фома огляделся. На другом конце скамьи сидел мальчик, у которого имелся жёлтый билет. Фома знал об этом, потому что ещё утром пытался его купить и получил отказ.

Теперь обстоятельства изменились. Фома показал ножик. Мальчик покачал головой. Фома раскрыл ножик и продемонстрировал единственное сохранившееся лезвие.

Мальчик задумался. Фома прибавил свисток. Мальчик взял ножик, попробовал лезвие и всё ещё сомневался. Фома тяжело вздохнул и добавил право первым залезть в старый сарай за Бульварной, если его когда-нибудь оставят открытым.

Сделка состоялась.

Фома снова пересчитал билеты. Теперь хватало.

Тем временем господин Вальтер показывал судье устройство школы. Он объяснял, сколько стихов должен выучить ученик для каждого билета, как билеты обмениваются и каким образом особенно прилежные дети получают в награду Священное Писание.

— Прекрасная система, — сказал судья Крышников.

— Дети очень стараются, — ответил Вальтер.

В эту минуту Фома встал. Господин Вальтер увидел его и почему-то перестал улыбаться. Фома подошёл к столу и положил билеты.

— Мне Библию.

В комнате стало тихо. Вальтер посмотрел на билеты. Потом на Фому. Потом снова на билеты.

— Все эти билеты твои?

— Мои.

Ответ был совершенно точным. В настоящий момент все билеты действительно принадлежали Фоме. Господин Вальтер начал их считать.

Фома ждал. Судья Крышников заинтересовался.

— Вот один из ваших лучших учеников?

Вальтер кашлянул.

— Фома Пильняков... посещает наши занятия.

Больше ничего хорошего про Фому Пильнякова невозможно было сказать.

— Очень похвально, — сказал судья.

Варя смотрела на Фому. Фома почувствовал, что ножик, свисток, две копейки и даже старый сарай были отданы не зря.

Вальтер закончил считать. Ошибки не было. По правилам Фоме полагалась Библия.

Немец оказался в тяжёлом положении. Он точно знал, что Фома не мог выучить положенного числа стихов. Но ещё точнее он знал собственные правила. Кроме того, рядом стоял судья Крышников, которому он только что объяснил, как превосходно эти правила действуют.

Вальтер взял со стола Библию.

— Фома Пильняков, — произнёс он торжественно, хотя без особой радости, — за прилежание и знание Священного Писания...

Фома принял самый скромный вид.

— ...ты получаешь эту книгу.

Он протянул Библию.

Фома взял её обеими руками.

Судья Крышников одобрительно кивнул.

— Молодец.

Варя улыбнулась.

Это была лучшая минута воскресенья.

Фома стоял перед всеми с новой Библией и чувствовал себя великим человеком. Ему казалось, что теперь Варя окончательно поняла, кого встретила вчера на улице.

Судья положил руку ему на плечо.

— Ну-с, молодой человек. Раз ты так хорошо знаешь Писание, познакомимся поближе.

Фома посмотрел на него. Господин Вальтер поблел.

— Скажи-ка нам, — продолжал судья, — как звали первых двух учеников Спасителя? Фома задумался.

Он знал множество библейских имён. Главная трудность состояла в том, чтобы выбрать два подходящих.

Вальтер смотрел на него с ужасом.

Варя ждала ответа.

Фома решил.

— Давид и Голиаф.

Несколько секунд никто не говорил.

Господин Вальтер закрыл глаза.

Судья Крышников медленно убрал руку с Фоминого плеча.

Варя прыснула.

Фома понял, что где-то ошибся.

Но Библия уже была у него.

После занятий все отправились в Благовещенский собор.

Фома шёл вместе с остальными, прижимая к боку новую Библию. Господин Вальтер больше на него не смотрел. Судья Крышников разговаривал со взрослыми, а Варя несколько раз оборачивалась и улыбалась. Фома решил, что история с Давидом и Голиафом пошла ему скорее на пользу. Во всяком случае, до неё Варя так часто не улыбалась.

В соборе было много народу. Тётка Марья заранее велела Фоме вести себя прилично, не вертеться, не разговаривать и слушать службу. Эти требования были разумны по отдельности, но исполнить их все одновременно оказалось трудно.

Сначала Фома стоял спокойно. Потом переступил с одной ноги на другую. Потом обратно. Потом начал рассматривать людей. Потом потолок. Потом иконы. Потом снова людей.

Служба продолжалась.

Фома задумался, сколько она уже идёт. Ему показалось, что часа три. По положению солнца этого определить было нельзя.

Он попытался слушать.

Через некоторое время обнаружил, что думает о Варе.

Варя стояла впереди рядом с отцом. Фома видел её косу и иногда часть лица, когда она поворачивала голову. Это немного облегчало положение, но даже любовь имела пределы.

Фома сунул руку в карман.

Почти всё его имущество ушло на приобретение Библии. Остались верёвочка, кусочек мела и небольшая коробочка, про которую он успел забыть.

В коробочке сидел жук.

Фома поймал его два дня назад и собирался выяснить, сколько времени жук способен прожить без еды. Опыт продолжался успешно, особенно для Фомы.

Он немного приоткрыл коробочку. Жук зашевелился. Фома закрыл её.

Прошло ещё очень много времени. Он снова открыл коробочку. На этот раз жук выбрался наружу.

Фома попытался поймать его, но жук упал на пол и пополз между ногами молящихся.

Фома проводил его взглядом.

Вернуть жука теперь было невозможно. Оставалось надеяться, что он сам знает, куда идёт.

Жук дополз до прохода.

Там его заметила небольшая собака, пришедшая в собор вместе с какой-то почтенной дамой. Она понюхала жука.

Жук остановился. Собака понюхала ещё раз и ткнула его носом. Жук укусил собаку в нос, она взвизгнула и несколько человек обернулись.

Дама потянула собаку к себе, но та уже решила, что перед ней находится враг. Она снова приблизилась к жуку, теперь гораздо осторожнее, обошла его кругом и попыталась ударить лапой. Жук снова оказался проворнее. Собака отскочила. Кто-то тихо засмеялся.

Фома подумал, что служба становится значительно интереснее.

Собака тоже почувствовала перемену, хотя поняла её иначе. Она решила атаковать.

Жук пополз.

Собака бросилась за ним.

Поводок выскользнул из рук хозяйки.

Дальнейшие события развивались быстро. Жук направился под ноги стоявшим впереди людям. Собака последовала за ним. Один человек отступил, другой наступил ему на сапог, третий обернулся. Хозяйка собаки прошептала что-то строгое и попыталась её поймать.

Собака увернулась. Теперь на неё смотрела уже половина собора.

Жук остановился.

Собака тоже остановилась.

Некоторое время противники смотрели друг на друга.

Потом собака прыгнула.

Жук снова защитился.

Собака издала такой вопль, что даже самые благочестивые люди не смогли сделать вид, будто ничего не происходит. Она помчалась по проходу, волоча за собой поводок, обежала вокруг нескольких человек, едва не сбила мальчика и наконец спряталась под скамейкой.

Смех прошёл по собору. Его старались подавить, и от этого он становился только сильнее. Люди кашляли, отворачивались и прикрывали лица руками. Фома тоже смеялся, но очень осторожно.

Господин Вальтер нашёл его глазами. Фома сразу стал серьёзным. Вальтер продолжал смотреть. Фома принял ещё более благочестивый вид.

Это было ошибкой. Человек с таким лицом мог либо только что увидеть ангела, либо быть виновником происшествия.

Вальтер всё понял.

Варя обернулась.

Фома встретился с ней глазами.

Она закрыла рот рукой, но было видно, что смеётся.

После этого Фоме стало безразлично, что думает господин Вальтер.

Когда служба закончилась, народ начал выходить на площадь. Фома задержался возле дверей, надеясь ещё раз увидеть Варю.

Она вышла вместе с отцом. Судья Крышников прошёл мимо и посмотрел на Фому так, словно вспомнил Давида и Голиафа.

Варя тоже прошла мимо. Потом незаметно для отца обернулась и показала Фоме язык.

Фома был счастлив.

Он отправился домой на Солдатскую. Идти было далеко, ноги болели, Библия оказалась тяжёлой, а впереди его ждала тётка Марья, которая наверняка уже знала если не всё, то достаточно.

Но Фома нёс за пазухой засохший цветок, Варя дважды смеялась из-за него, а один раз показала ему язык.

Для первой любви этого было вполне достаточно.

Глава 3. Емелька Брусничкин

В понедельник утром Фома отправился в училище.

Тётка Марья подняла его рано. От Солдатской до реального училища путь был неблизкий, а Фома обладал редкой способностью увеличивать любое расстояние примерно вдвое. По дороге встречались собаки, лошади, знакомые мальчишки, незнакомые мальчишки, интересные дворы, телеги, канавы и множество других вещей, которые взрослый человек почему-то не считал уважительной причиной для опоздания.

Поэтому тётка Марья выгнала его из дому с большим запасом времени.

— Иди прямо в училище.

— А куда же ещё?

— Никуда не сворачивай.

— Я и не собирался.

— И с Емелькой Брусничкиным не разговаривай.

Фома ничего не ответил. Последнее требование было явно чрезмерным.

Емельку Брусничкина не любили все матери Солдатской слободы. Отцы тоже не одобряли его, но говорили об этом реже. Емелька был сыном старого Брусничкина, человека, которого чаще всего можно было встретить пьяным, а иногда нельзя было встретить вовсе. Где именно жил Емелька, никто толком не знал. У Брусничкиных была какая-то лачуга в Татарской слободе, но мальчик появлялся там не всегда. Летом он мог ночевать в сарае, на берегу Томи, в лодке или там, где его заставал сон.

У него не было почти ничего, чем приличные люди привыкли измерять благополучие. Зато он не ходил регулярно в школу, никто не заставлял его умываться по утрам, надевать чистую рубаху по воскресеньям, учить уроки и возвращаться домой к определённому часу.

Поэтому взрослые считали Емельку несчастным, а мальчишки — счастливым.

Фома встретил его как раз тогда, когда ещё вполне мог прийти в училище вовремя.

Емелька сидел у дороги босой, в слишком больших штанах и старой рубахе. Рядом лежала палка, а в руках он держал мешок.

— Здорово, — сказал Фома.

— Здорово.

Фома остановился.

Он вспомнил слова тётки Марьи.

Потом решил, что она запретила разговаривать с Емелькой, но ничего не сказала насчёт того, чтобы стоять рядом.

— Чего несёшь?

— Кошку.

— Живую?

— Дохлую.

Это было достаточно интересно, чтобы правила тётки Марьи окончательно потеряли силу.

Фома присел рядом.

— Покажи.

Емелька развязал мешок. Внутри действительно лежаладохлая кошка.

Фома осмотрел её.

— Где взял?

— Нашёл.

— Зачем она тебе?

Емелька посмотрел на него с удивлением.

— Бородавки сводить.

Фома посмотрел на свои руки. Бородавок у него не было, и на минуту ему стало жаль.

— А как?

— Очень просто. Надо ночью прийти на кладбище, когда хоронят плохого человека.

— Почему плохого?

— Хороший не возьмёт.

Это объяснение показалось Фоме разумным.

Емелька продолжал:

— Как его закопают, надо бросить кошку вслед и сказать: «Чёрт за покойником, кошка за чёртом, бородавки за кошкой». Тогда всё сойдёт.

— Кто тебе сказал?

— Васька Рыбаков.

Авторитет Васьки Рыбакова в подобных вопросах был велик.

Фома совершенно забыл, что куда-то шёл.

— А когда пойдёшь?

— Как найдём покойника.

— Я с тобой.

— Ты боишься.

— Я?

— Ты.

Фома хотел немедленно доказать обратное, но сообразил, что для этого сначала требуется покойник.

— Ничего я не боюсь.

— Тогда приходи.

— Куда?

Емелька назвал место у Татарской слободы, возле реки.

Фома запомнил.

Некоторое время они обсуждали кладбища, покойников и способы определить присутствие нечистой силы. Емелька знал об этом гораздо больше Фомы, хотя никогда не читал ни одной книги. Это заставляло задуматься о пользе образования.

Потом Емелька вдруг спросил:

— Университет видел?

— Видел.

— Там теперь вниз можно залезть.

Фома посмотрел на него.

— Куда вниз?

— Под стройку.

— Врёшь.

— Сам врёшь.

— Там фундамент.

— Вот под него и можно.

Фома встал.

До училища было ещё далеко.

Он посмотрел в ту сторону, куда следовало идти.

Потом в сторону строящегося университета.

— Мне на уроки надо.

— Ну иди.

Емелька завязал мешок с кошкой и поднялся.

Это «ну иди» было сказано таким тоном, что идти в училище после него мог только человек совершенно лишённый самолюбия.

— А далеко?

— Пять минут.

Фома знал, что пять минут у Емельки Брусничкина могли означать что угодно.

Фома ещё раз подумал об училище.

Тётка Марья отправила его заранее. Запас времени был именно для непредвиденных обстоятельств.

Строительство первого сибирского университета вполне могло считаться таким обстоятельством.

— Ладно, — сказал он. — Пять минут.

И они пошли в противоположную от училища сторону.

Строящийся университет был одним из самых больших сооружений, какие Фома видел в своей жизни, хотя пока большая часть его находилась ниже того места, где полагалось быть университету.

За оградой лежали штабеля кирпича, брёвна, доски и камень. Рабочие возились возле будущего здания, поднимали землю, таскали материалы и занимались другими делами, смысл которых мальчикам был не вполне понятен. Над фундаментом уже поднимался цоколь.

Фома и раньше видел стройку издали. Взрослые говорили о ней часто. Первый университет в Сибири считался делом чрезвычайной важности. Тётка Марья однажды объяснила Фоме, что, когда университет построят, в Томске станет больше учёных людей.

Фома тогда спросил, почему для этого требуется столько кирпичей.

Ответа он не запомнил.

— Где лаз? — спросил он.

— Там.

Емелька уверенно повёл его вдоль ограды.

Они нашли место, где можно было пролезть. Емелька прошёл первым. Фома зацепился курткой, освободился и последовал за ним.

Они перебежали за штабель досок и некоторое время сидели там. Никто за ними не гнался.

— Пошли.

Они двинулись дальше.

Фома быстро понял, что Емелькин «лаз под университет» был несколько преувеличен. Никакого настоящего подземного хода там не оказалось. Были котлованы, фундамент, канавы и места между сложенными материалами, которые при достаточном воображении могли сойти за начало катакомб.

— И где?

— Вон.

— Это яма.

— Сейчас яма. Потом будет под университетом.

С этим трудно было спорить.

Мальчики спустились.

Снизу стройка выглядела гораздо интереснее. Стены котлована скрывали город, над головой торчали края будущего здания, а сложенные балки образовывали проходы. Через несколько минут Фома уже не сомневался, что пришёл сюда не зря.

Они обследовали яму, нашли ржавый гвоздь, обломок кирпича необычной формы и кусок верёвки. Емелька заявил, что под одним из камней наверняка что-нибудь спрятано.

Они начали копать палками. Ничего не нашли. Это только усилило подозрения.

— Глубже, — сказал Емелька.

Фома посмотрел вверх.

— Нам пять минут только.

— Ещё не прошло.

Фома не был уверен, но решил поверить человеку, который не имел часов и потому не был заинтересован в обмане.

Они копали ещё некоторое время.

Потом услышали голоса и спрятались за фундаментом. Мимо прошли двое рабочих.

— Видел? — прошептал Емелька.

— Чего?

— Чуть не поймали.

Теперь приключение стало настоящим.

Они выбрались из ямы с другой стороны и полезли между брёвнами. Емелька обнаружил доску, перекинутую через канаву, и прошёл по ней. Фома, конечно, последовал. Потом пришлось проверить, можно ли пройти обратно, не держась руками.

Можно было.

С третьего раза.

Фома упал в мягкую землю только один раз и испачкал колено.

— У тебя звонок когда? — спросил Емелька.

Фома замер.

Где-то далеко в городе пробили часы.

Он прислушался.

Потом быстро сосчитал удары.

— Чёрт!

Емелька тоже послушал.

— Опоздал?

Фома вылез вверх.

Он бросился к ограде.

— Кошку вечером не забудь! — крикнул Емелька.

Фома перелез через ограду и побежал.

Теперь дорога до училища почему-то оказалась гораздо длиннее, чем утром. Фома бежал, переходил на быстрый шаг, снова бежал и думал о том, что скажет учителю.

Можно было сказать, что тётка Марья заболела. Но тётка Марья была известна некоторым учителям и обладала неприятной привычкой оставаться здоровой именно тогда, когда её болезнь могла принести Фоме пользу.

Можно было сказать, что по дороге понесла лошадь. Но для хорошей истории требовалось объяснить, почему Фома оказался рядом с этой лошадью и что сделал потом.

Можно было просто сказать, что проспал. Это было правдоподобно, но унижительно.

Когда показалось училище, Фома ещё ничего не придумал.

Он остановился, отдышался, почистил колено и посмотрел на свои руки. Руки были в земле. На рукаве осталась известь. Из кармана торчал кусок верёвки, добытый на стройке.

Фома спрятал верёвку.

Строительство университета должно было распространять в Сибири просвещение.

Но пока первым достоверным его результатом было то, что Фома Пильняков опоздал в реальное училище.

Когда Фома открыл дверь класса, урок уже шёл.

Учитель математики остановился.

Ученики обернулись.

Фома снял фуражку и постарался выглядеть как человек, который опоздал по обстоятельствам чрезвычайным и, возможно, государственным.

— Пильняков.

— Я.

— Я вижу. Почему опоздал?

Фома молчал.

За несколько минут бега он придумал ещё три объяснения. В одном участвовала больная старуха, которую пришлось переводить через улицу. В другом сломалась телега и Фома помогал её поднимать. Третье было сложнее и включало потерявшегося ребёнка.

Все три истории имели недостаток: учитель мог начать задавать вопросы.

— Ну?

Фома решил сказать правду.

— Емельку Брусничкина встретил.

По классу прошёл смешок.

Учитель нахмурился.

Имя Емельки было известно и здесь. Сам Емелька почти никогда не появлялся в учебных заведениях, но слава его проникала туда свободно.

— И что же Брусничкин?

— Кошку нёс.

Класс оживился.

— Какую ещё кошку?

— Дохлую.

Учитель снял очки.

— Пильняков, я пока ещё надеюсь услышать объяснение твоего опоздания, а не историю жизни Брусничкина.

— Мы потом в университет пошли.

Теперь засмеялся весь класс.

Учитель подождал, пока станет тихо.

— В университет?

— Да.

— Тебя уже приняли?

Фома почувствовал, что вопрос содержит подвох.

— Нет.

— Это радует. Значит, хотя бы там ещё есть порядок. Что ты делал в университете?

— Смотрел.

— На что?

— Как его строят.

Учитель посмотрел на грязное колено Фомы.

— Судя по твоему виду, ты наблюдал строительство снизу.

Фома решил не отвечать.

— Значит, — продолжал учитель, — вместо того чтобы идти в реальное училище, ты отправился с Брусничкиным лазить по строительству университета.

Класс снова засмеялся.

— После занятий останешься.

Фома вздохнул.

Обычно такое наказание было неприятно, но терпимо.

Сегодня оно было ужасно.

Он сразу вспомнил Варю.

Фома ещё утром выяснил у одного мальчика, когда заканчиваются занятия в Мариинской гимназии. Если его задержат надолго, Варя уйдёт домой.

Урок продолжался.

С математикой у него были отношения гораздо лучше, чем с дисциплиной. Фома быстро понял, что объясняет учитель, решил задачу и даже один раз правильно ответил у доски. Это несколько улучшило настроение учителя, но наказание не отменило.

Фома считал это несправедливым. Если человек знает урок, какая разница, когда именно он пришёл?

Училище придерживалось другого мнения.

До конца занятий Фома несколько раз смотрел в окно и пытался определить время по солнцу. Солнце не помогало.

Когда последний урок закончился, мальчики начали собираться.

— Пильняков остаётся, — напомнил учитель.

Фома остался.

Ему дали переписывать страницу из учебника.

Он писал быстро.

— Аккуратнее.

Фома стал писать медленнее.

Это было жестоко.

За окном ученики расходились по домам. Кто-то уже бежал по улице. Фома представлял, как в это самое время заканчиваются занятия у Вари.

Он дописал страницу.

Учитель посмотрел.

— Перепиши.

Фома начал сначала.

Теперь каждая буква казалась ему личным врагом.

Наконец учитель взял второй лист, внимательно прочитал и отпустил его.

Фома схватил фуражку.

— Пильняков.

Он остановился.

— Завтра без Брусничкина.

— Хорошо.

— И приходи вовремя.

— Хорошо.

Фома выбежал из класса.

Он промчался по коридору, выскочил из училища и побежал к Ушайке.

До дома было далеко.

Но домой он совершенно не торопился.

Фома прибежал к мосту и остановился. Девочки ещё выходили из гимназии. Он сразу увидел Варю.

Фома перевёл дух, поправил одежду и постарался пригладить волосы. Потом заметил грязь на колене, потёр её ладонью и сделал только хуже.

Варя шла вместе с двумя гимназистками.

Фома прошёл по мосту навстречу, стараясь показать, что оказался здесь совершенно случайно. Для этого он смотрел на реку, дома и прохожих, но только не на Варю.

— Фома!

Он обернулся с таким видом, будто удивлён этой встречей.

— А, Варя.

— Ты чего здесь?

— Гуляю.

Варя посмотрела на его грязное колено.

— Ты всегда так гуляешь?

— Это я в университете.

— В каком университете?

— Который строят.

Варя заинтересовалась.

— Тебя туда пустили?

— Не совсем.

Подруги Вари засмеялись. Фоме они сразу не понравились.

Он подождал, пока девочки разойдутся. Варя собиралась идти дальше, но Фома сказал:

— Хочешь, покажу кое-что?

— Что?

Фома ещё не знал.

— Покажу — увидишь.

Это был старый и надёжный способ.

Они перешли мост. Фома нашёл тропинку, спускавшуюся к Ушайке. По берегам росли кусты, деревья закрывали улицу, через несколько шагов город как будто исчез, и они остались одни.

Варя остановилась.

— Здесь воняет.

— Это река, — объяснил Фома.

Варя некоторое время смотрела на воду.

— А почему она воняет?

Фома пожал плечами.

— Всегда воняет.

Так как объяснение было исчерпывающим, они пошли дальше.

Под мостом нашлось место, скрытое кустами от прохожих. Фома считал его превосходным. Здесь можно было разговаривать, не опасаясь взрослых, учителей и особенно гимназисток.

— Ну? — спросила Варя. — Что ты хотел показать?

Фома снова оказался в затруднении.

Он полез в карманы.

После вчерашней покупки Библии и сегодняшнего посещения университета имущество его заметно уменьшилось. Нашёлся кусочек мела, верёвочка и яблоко, которое тётка Марья дала ему с собой.

— Яблоко хочешь?

— Нет.

— Оно хорошее.

— Тогда давай.

Варя взяла яблоко. Положение улучшилось.

Фома нашёл плоскую доску, лежавшую возле берега, и мелом нарисовал на ней дом.

— Это что?

— Дом.

— Кривой.

— Тут доска кривая.

Он пририсовал трубу, окно и человека.

— А это кто?

— Не скажу.

— Я?

Варя улыбнулась.

— На меня не похоже.

— Я ещё не кончил.

Фома добавил человеку косы. Теперь сходство стало несомненным.

— А меня научишь?

Фома передал ей мел. Варя попробовала нарисовать дом. Получилось хуже. Фома был доволен.

Он показал, как рисовать крышу, потом дерево, потом человека. Для некоторых объяснений требовалось держать Варину руку. Фома старался объяснять как можно подробнее.

Через некоторое время рисование было забыто. Они сидели рядом на доске. Варя ела яблоко.

— Ты вчера правда Библию заслужил? — спросила она.

Фома немного подумал.

— Я её получил.

— А почему ты сказал про Давида и Голиафа?

Фома не ответил.

Варя засмеялась.

— Ты ничего не знаешь.

— Зато я университет видел изнутри.

— Он ещё не построен.

— Поэтому сейчас туда труднее попасть.

Это Варя признала. Фома почувствовал, что настал подходящий момент.

— Варя.

— Что?

— Ты когда-нибудь была невестой?

Она перестала жевать яблоко.

— Нет.

— А хочешь?

— Чьей?

Фома удивился.

— Моей.

Варя покраснела.

— Ты глупый.

— Почему глупый?

— Потому что.

Она отвернулась.

Фома придвинулся ближе.

— Это совсем просто.

— Что просто?

— Быть женихом и невестой.

— А что надо делать?

— Сначала сказать, что никого другого никогда любить не будешь.

Варя подумала.

— Никогда?

— Никогда.

В двенадцать лет это слово не казалось особенно долгим.

— А потом?

— Потом надо поцеловаться.

Варя вскочила.

— Нет!

— Тогда не считается.

Варя отошла к кустам.

Фома ждал.

— А ты скажешь первый? — спросила она.

— Скажу.

Он подошёл к ней и очень серьёзно произнёс:

— Я никого, кроме тебя, никогда любить не буду.

Варя молчала.

— Теперь ты.

— Отвернись.

Фома отвернулся.

— Я никого, кроме тебя, никогда любить не буду, — очень тихо сказала Варя.

Фома немедленно повернулся.

— Теперь поцеловаться.

— Я домой пойду.

— Тогда не считается.

Варя долго спорила. Фома ссылаясь на правила, происхождение которых оставалось неизвестным. Наконец Варя позволила быстро поцеловать себя в щёку и сразу оттолкнула его.

Оба замолчали.

Фома был счастлив.

Ушайка продолжала пахнуть совершенно так же, как прежде, но теперь это уже не имело никакого значения.

— Вот и всё, — сказал он. — Теперь мы жених и невеста.

Варя посмотрела на него с недоверием.

— Правда?

— Конечно.

Фома чувствовал себя человеком опытным и решил объяснить ей всё окончательно.

— Сначала всегда так. Вот когда мы с Анютой Лаврентьевой...

Он замолчал.

Варя медленно повернула голову.

— С какой Анютой?

Фома понял, что положение серьёзное.

— Ни с какой.

— Ты сказал: с Анютой Лаврентьевой.

— Это давно было.

— Когда?

Фома подсчитал.

— Недели три назад.

Варя смотрела на него.

Фома почувствовал, что слово «давно» было выбрано неудачно.

— Ты её любил?

— Нет.

— Любил.

— Немножко.

— А мне сказал, что никогда никого не любил!

— Я такого не говорил.

— Говорил!

— Я сказал, что больше никого не буду любить. Это другое.

С точки зрения Фомы различие было совершенно очевидным. Варя почему-то его не увидела.

— И она тоже была твоей невестой?

Варя отвернулась.

— Варя.

Она молчала.

— Это всё кончилось.

— Когда?

Фома опять оказался перед опасным вопросом.

— В субботу.

— А сегодня понедельник!

Фома никогда раньше не замечал, что дни недели могут быть использованы против человека.

— Но я же тебя тогда ещё не знал.

Это было сильное оправдание. Фома ожидал, что Варя сразу поймёт его невиновность.

Вместо этого она заплакала.

Фома испугался. Он умел драться, лазить через заборы, торговаться, убегать от взрослых и даже довольно хорошо решал задачи. Но плачущая девочка представляла собой явление, против которого все его способности были бесполезны.

— Ну чего ты?

Варя не отвечала.

— Я же теперь её не люблю.

Это только ухудшило положение.

— Совсем не люблю.

Варя заплакала сильнее.

Фома начал искать средство примирения.

— Хочешь мел?

Она посмотрела на него так, что он сразу убрал мел обратно.

— Верёвку?

Предлагать верёвку после мела было ошибкой.

Фома полез глубже в карман и нащупал предмет, который действительно имел ценность. Это был небольшой медный шарик с дырочкой, найденный несколько месяцев назад возле кузницы. Фома не знал, для чего он предназначался, и именно поэтому особенно им дорожил. В зависимости от обстоятельств шарик мог быть пулей, частью машины, древней монетой или военным снарядом.

Фома достал его.

— Вот. Бери.

Варя посмотрела.

— Не надо.

— Он медный.

— Не надо!

— Я тебе совсем отдаю.

— Ничего мне от тебя не надо!

Она бросила недоеденное яблоко на землю. Это уже было серьёзно. Яблоко ни в чём не было виновато.

— Ну и пожалуйста, — сказал Фома.

Варя вытерла глаза.

— Иди к своей Анюте.

— Не пойду.

— Иди!

— Не хочу я к ней!

— Тогда вообще уходи!

Фома взял медный шарик и сунул его обратно в карман.

— Ладно.

Он сделал несколько шагов. Варя не остановила его. Фома пошёл дальше. Он ожидал, что сейчас услышит своё имя. Не услышал. Тогда он замедлил шаг. Это тоже не помогло.

Фома обернулся. Варя сидела на доске и плакала.

На секунду ему захотелось вернуться. Но человек, которому только что велели уходить, не может немедленно вернуться, не потеряв достоинства.

Фома полез вверх по склону. У моста он снова остановился. Варя за ним не бежала.

Теперь Фома был оскорблён по-настоящему.

Ещё несколько минут назад он был женихом, имел невесту и собирался любить её всю жизнь. Теперь у него снова не было ничего, кроме новой Библии, медного шарика и необходимости идти домой через весь город.

Жизнь оказалась устроена плохо.

Фома решил, что больше никогда не будет иметь дела с девочками.

Это решение продержалось довольно долго — почти до того места, откуда уже не было видно моста.

Домой идти не хотелось.

Тётка Марья спросит, почему он опоздал. Сидор будет смеяться. Завтра снова надо вставать и тащиться в училище. Учитель математики наверняка помнит университет. Варя его больше не любит. Аня Лаврентьева, вероятно, тоже, хотя об этом Фома до сих пор не задумывался.

Обычная человеческая жизнь не предлагала ничего привлекательного.

Фома свернул с дороги.

Он знал человека, который не ходил в училище, не боялся опоздать домой, не зависел от девочек и вообще почти не имел тех неприятностей, которыми взрослые окружали приличных детей.

Емельку Брусничкина он нашёл возле Томи.

Емелька сидел на перевёрнутой лодке и ел хлеб.

Мешок сдохлой кошкой лежал рядом.

— Ты чего? — спросил он.

Фома сел на лодку.

— Ничего.

Емелька отломил кусок хлеба и протянул ему.

Фома взял.

Некоторое время они ели молча.

Потом Фома сказал:

— Емелька.

— Чего?

— Давай разбойниками станем.

Емелька подумал.

— Давай.

Это был первый разумный ответ, который Фома услышал за весь день.

Глава 4. Разбойники

Емелька не стал спрашивать, почему Фома решил сделаться разбойником. Он вообще редко задавал вопросы о причинах человеческих поступков, если сам поступок казался ему разумным.

Они сидели на берегу Томи. Перед ними шла широкая вода, а дальше начинался лес. Лес тянулся далеко, сколько было видно, и за ним тоже был лес. Фома смотрел туда и постепенно чувствовал себя лучше.

— Уйдём в тайгу, насовсем, — сказал он.

Емелька перестал жевать хлеб.

— А зачем?

— Разбойники в городе не живут.

Емелька посмотрел на противоположный берег.

— Там комаров много.

Фома не ожидал этого возражения.

— Разбойники комаров не боятся.

— Я тоже не боюсь. Но они кусаются.

— Будем костёр жечь.

— А спать где?

— В пещере.

Емелька снова посмотрел на лес.

— Там пещеры есть?

Фома не знал.

Во всех хороших книгах пещеры находились именно там, где были нужны. Сибирь была огромной землёй, и было бы странно, если бы в ней не нашлось хотя бы одной подходящей пещеры.

— Найдём.

— А есть чего будем?

— Что добудем.

— Рыбу можно.

— Можно.

— Тогда удочки надо взять.

Фома почувствовал, что разговор принимает слишком хозяйственное направление.

— Разбойники не для рыбы в лес уходят.

— А для чего?

— Чтобы грабить.

Емелька кивнул.

Это он понял.

— Кого?

Фома задумался.

За рекой никого не было.

— Купцов.

— А купцы там ходят?

— На Московском тракте ходят.

Про разбойников на Московском тракте Фома слышал много. О них рассказывали взрослые, ямщики и мальчишки. Одни говорили, что шайки нападают на обозы. Другие знали человека, который лично разговаривал с человеком, которого однажды чуть не ограбили. Третьи

утверждали, что где-то за городом недавно нашли убитого купца, хотя где именно, кто его убил и был ли он купцом, никто не помнил.

В Томске разбойников почти никто не видел. Но стоило отъехать достаточно далеко, и, по рассказам, они начинали встречаться повсюду.

— На тракт пойдём, — решил Фома.

— Далеко.

— Настоящие разбойники далеко живут.

— Почему?

Фома опять не знал.

Емелька отломил ещё хлеба.

— Я одного видел.

Фома сразу повернулся.

— Разбойника?

— Может, разбойника.

— Где?

— На пристани.

— Чего он делал?

— Пьяный лежал.

— Откуда ты знаешь, что разбойник?

— Дядька сказал: «Вот разбойник».

Фома некоторое время обдумывал это сообщение.

— Это не настоящий.

— А какой настоящий?

Теперь Фома оказался на знакомой почве.

Настоящий разбойник носил за поясом пистолеты, имел нож, жил в тайге, останавливал богатых путешественников, отнимал золото, а потом закапывал его в тайном месте. Иногда он похищал прекрасных девушек. Если разбойник был особенно знаменит, власти посылали против него солдат, но поймать его долго не могли.

Емелька слушал внимательно.

— А золото зачем закапывать?

— Чтобы никто не нашёл.

— А самому тогда чего есть?

— Часть оставляют для прокорма.

— Сколько?

Фома не помнил, чтобы в книгах это объяснялось.

— Сколько надо.

— Тогда лучше всё оставить.

— Тогда сокровища не будет.

Емелька пожал плечами.

Он был беден и поэтому относился к деньгам слишком практически.

— А девушки зачем?

— Пленницы.

— Чего с ними делать?

— Держать.

— Где?

— В пещере.

Без пещеры было никак. Фома решил, что прежде всего надо найти её.

Они долго смотрели на лес за Томью. Отсюда он выглядел именно так, как должен был выглядеть лес, в котором живут разбойники. Там вполне могли скрываться шайки, клады и

неизвестные тропы. Фома даже подумал, что Сибирь всё-таки устроена не так плохо, как ему казалось возле забора.

— Сегодня уйдём? — спросил Емелька.

Фома вспомнил тётку Марью.

Ещё утром он собирался вернуться домой после училища. С тех пор успел побывать под строящимся университетом, получить наказание, стать женихом, перестать быть женихом и решить сделаться разбойником.

День и без того вышел насыщенный.

— Нет. Надо подготовиться.

— Чего приготовить?

— Оружие. Еду. Всё.

Емелька кивнул.

Приготовление еды наконец сделало предприятие серьёзным и в его глазах.

— И ещё шайка нужна, — сказал Фома.

— Нас двое.

— Для шайки мало.

— Сколько надо?

Фома не знал точного числа, но во всех книгах разбойников было заметно больше двух.

— Хотя бы трое.

Емелька задумался.

— Егорку возьмём.

Фома знал Егорку Гусельникова. Он был достаточно храбрый, умел драться и однажды украл дома целую банку варенья, после чего три дня отрицал очевидное. Для разбойника это были хорошие качества.

— Возьмём.

Фома поднялся.

Тайга никуда не делась. Она стояла за рекой огромная и тёмная, и теперь Фома знал, что рано или поздно отправится туда. Пока же ему предстояло вернуться на Солдатскую и объяснить тётке Марье, почему дорога из училища домой заняла несколько часов.

Егорку Гусельникова они нашли на следующий день.

Он сидел за сараем недалеко от Солдатской и был мрачен. Рядом лежал узелок, в который Егорка сложил кусок хлеба, две луковицы, рубаху и деревянный пистолет.

— Ты куда? — спросил Фома.

— Ухожу.

Фома и Емелька переглянулись.

— А чего случилось?

Егорка некоторое время молчал. Потом сказал:

— Сметана.

Дело было серьёзное.

Вчера вечером мать обнаружила, что из крынки пропала сметана. Егорка её не ел. Он совершенно точно знал, что не ел, потому что в это время находился во дворе и пытался поджечь старую паклю. Сметану, по его мнению, съела кошка.

Мать придерживалась другой версии.

— И выпорола, — закончил Егорка.

— Сильно? — спросил Емелька.

— Ага.

— А паклю ты поджёг?

— Нет. Не загорелась.

Несправедливость была очевидна.

Егорка объявил матери, что больше она его никогда не увидит. Мать ответила, что до ужина он всё равно вернётся, и велела по дороге принести воды. После этого оставаться дома было невозможно.

— Мы тоже уходим, — сказал Фома.

Егорка посмотрел на него.

— Куда?

— В тайгу.

— Зачем?

— Разбойниками будем.

Мрачность Егорки сразу уменьшилась.

— А меня возьмёте?

Фома не ответил сразу. Принимать человека в разбойники без испытания было несерьёзно.

— Ты крови боишься?

— Нет.

— Мертвецов?

— Нет.

— Полиции?

Егорка задумался.

— Смотря сколько.

Ответ был хороший.

— Берём, — сказал Фома.

Емелька не возражал.

Трое перебрались ближе к реке, где взрослые не мешали важным разговорам. Егорка развязал узелок и показал имущество.

— Пистолет есть.

Фома взял оружие.

Пистолет был вырезан из дерева. Курок не двигался, ствол был немного кривой, но издали оружие выглядело опасно.

— Годится.

— Я атаманом буду, — сказал Егорка.

Фома вернул ему пистолет.

— А ты правила знаешь?

— Какие?

— Разбойничьи.

Егорка не знал.

— Тогда не можешь.

— А ты знаешь?

— Все.

Это было почти правдой. Фома прочитал несколько книг, где действовали разбойники, и потому считал себя специалистом.

— Тогда ты атаман, — согласился Егорка. — А потом я.

— Атамана не меняют.

— Почему?

— Так положено.

Егорка посмотрел на Емельку.

— А ты кем будешь?

— Не знаю.

— Разбойником, — объяснил Фома.

— Я знаю. Каким?

Емелька пожал плечами.

— Обыкновенным.

Так распределение должностей закончилось.

Фома объявил, что теперь каждому нужны разбойничьи имена. Настоящий разбойник не мог называться просто Фомкой Пильняковым. Это годилось для училища, тётки Марьи и полицейского участка, но совершенно не подходило человеку, которого боится весь Московский тракт.

— Я буду Чёрный Фома, — сказал он.

— Почему чёрный? — спросил Егорка.

Фома не знал.

— Потому что это разбойничье имя.

Егорка подумал.

— Тогда я Красный Егор.

— Почему красный?

— А ты почему чёрный?

Возразить было нечего.

Оба посмотрели на Емельку.

— А ты?

— Емелькой.

— Так нельзя.

— Почему?

— Не страшно.

Емелька задумался.

— Тогда Страшный Емелька.

Егорка одобрил.

Фома хотел объяснить, что имя получилось недостаточно таинственным, но решил не спорить.

Теперь следовало дать клятву.

Фома заставил всех встать. Егорка положил деревянный пистолет на землю. Емелька положил рядом палку. Фома хотел положить нож, но вспомнил, что отдал его за билеты господина Вальтера. Пришлось положить медный шарик.

— Клянёмся, — начал Фома, — никогда не выдавать шайку, не бояться врагов и делить добычу поровну.

Емелька удовлетворённо кивнул.

— И если кто предаст, — продолжал Фома, — того убить.

Егорка стал серьёзным.

— Насовсем?

— Конечно.

— А если случайно?

Фома не помнил, что книги говорили о случайном предательстве.

— Случайно не считается.

— Хорошо.

— А ещё убить всю его семью, — добавил Фома.

Егорка посмотрел на него.

— За что?

— Так разбойники делают.

— А если семья ничего не знала?

Фома начал сердиться. Книжные правила прекрасно работали, пока их никто не обсуждал.

Фома решил отменить эту часть клятвы.

— Семьи пока не трогаем.

Все согласились.

Они поклялись ещё раз, плюнули на ладони и пожали друг другу руки. Так они стали шайкой.

Три самых опасных разбойника Томска сидели на берегу Томи. У одного был деревянный пистолет, у другого палка, у третьего медный шарик неизвестного назначения.

До первого ограбления оставалось только решить, кого грабить.

Причем вопрос о том, кого грабить, оказался сложнее, чем создание шайки.

— Купцов, — сказал Фома.

— Где? — спросил Емелька.

— На Московском тракте.

— Пойдём?

Фома посмотрел в сторону города. Московский тракт существовал на самом деле, купцы по нему ездили на самом деле, и разбойники там тоже иногда бывали настоящие. Именно поэтому отправляться туда прямо сейчас стало почему-то менее интересно.

— Сначала надо подготовиться.

— Мы уже приготовились, — сказал Егорка и показал деревянный пистолет.

— Это не всё. У разбойников должны быть правила.

Егорка сел на землю.

Емелька тоже сел.

Фома начал объяснять.

Прежде всего настоящие разбойники должны жить в лесу. Лучше всего в пещере. Ночью они разводят костры, а днём выходят на большую дорогу. Увидев богатого путешественника, разбойники окружают его и требуют деньги.

— А если не даст? — спросил Егорка.

— Тогда убивают.

Деньги следовало разделить, но не тратить. Большую часть надо было сложить в сундук и закопать.

Емелька снова выразил сомнение.

— Зачем?

— Я же вчера объяснял. Это сокровище.

— А если деньги нужны?

— Выкопаем.

— Тогда зачем закапывать?

— Потому что все разбойники закапывают.

— А если зимой?

Фома остановился.

— Что зимой?

— Земля замёрзнет.

Книги, которые читал Фома, почему-то ничего не сообщали о судьбе разбойничьих сокровищ при сибирских морозах.

— До зимы выкопаем.

— Тогда ладно.

Следующим пунктом были пленники.

Богатых мужчин полагалось держать до выкупа. Прекрасных женщин тоже следовало похищать, но убивать их было нельзя.

— Почему? — спросил Егорка.

— Нельзя.

— А чего с ними делать?

— Держать в пещере.

— До выкупа?

— Нет.

— А до чего?

Фома немного смутился.

— Пока не влюбятся.

Егорка посмотрел на него с недоверием.

— В кого?

— В разбойников.

— Во всех?

— Нет. В кого-нибудь.

Емелька заинтересовался:

— А если не влюбятся?

— Влюбятся.

— И в страшного Емельку?

— Всё равно.

Емелька подумал и остался доволен.

— А кормить их кто будет?

Фома уже начинал уставать от его вопросов.

— По очереди.

— Тогда еды надо много.

Снова выяснилось, что разбойничья жизнь требует гораздо больше хозяйственных приготовлений, чем сообщалось в книгах.

Егорка предложил вместо пещеры использовать заброшенный сарай. Фома отверг предложение. В сарае могли жить воры, беглые или просто мальчишки. Разбойникам полагалась пещера.

— Где её взять? — спросил Егорка.

Фома показал на лес за Томью.

— Там найдём.

Все посмотрели на тайгу.

Тайги было столько, что хватило бы на все разбойничьи шайки России. Но ни одной пещеры она не показывала.

— Найдём, — повторил Фома.

На этом постановили считать вопрос решённым.

Потом возник вопрос о богатых путешественниках. Егорка предложил ограбить кого-нибудь в Томске.

— В городе разбойники не грабят, — сказал Фома.

— А кто грабит?

— Воры.

Никто из троих не хотел быть вором. Вор был человек низкого звания, который крал кур, бельё и всё, что плохо лежит. Разбойник носил оружие, имел шайку и был героем книг. Разница была очевидна.

— Значит, на тракт, — сказал Егорка.

— Потом.

— А сегодня чего?

Фома задумался.

Создать разбойничью шайку и ничего не ограбить в первый день было стыдно.

— Учения проведём.

— Какие?

— Разбойничьи.

Для учений требовался тракт. Им стала тропа вдоль берега. Кусты объявили тайгой, большой камень — пещерой, а старую лодку — разбойничьим замком.

Егорка хотел спросить, почему замок оказался лодкой, но Фома объяснил, что это временно.

Затем они распределили роли. Егорка изображал богатого купца. Емелька должен был напасть на него из кустов.

— Стой! — крикнул Фома. — Сначала надо сказать: «Кошелёк или жизнь!»

— Кошелёк или жизнь, — сказал Емелька.

— Страшнее.

— Кошелёк или жизнь!

— Теперь хорошо.

Егорка полез в карман.

— У меня нет кошелька.

— Понарошку есть.

— Сколько?

— Сто рублей.

Егорка присвистнул.

— Тогда я не отдам.

Через минуту богатый купец и разбойник уже дрались.

Учения пошли гораздо лучше.

Фома пытался руководить, но скоро тоже вступил в бой. Егорка стрелял из деревянного пистолета, Емелька орудовал палкой, Фома изображал сразу атамана и конную стражу. Купца несколько раз ограбили, освободили, снова ограбили и в конце концов убили, после чего Егорка отказался дальше играть мёртвого и воскрес.

Потом они напали на воображаемый почтовый обоз. Потом освободили пленницу, которую изображала старая лодка. Потом нашли клад под большим камнем. Клад состоял из трёх щепок и ржавой гайки. Его немедленно закопали в другом месте, потому что иначе он не считался настоящим.

К вечеру разбойники устали. Егорка лежал на траве. Емелька жевал последнюю луковицу из его узелка. Фома смотрел на Томь и тайгу.

Первый день преступной жизни прошёл успешно. Они никого не ограбили, никого не убили и не нашли ни одной пещеры. Но зато теперь точно знали, как всё это будет сделано, когда подвернётся подходящий случай.

Глава 5. Кладбище

О дохлой кошке Фома вспомнил уже вечером, когда собирался домой.

Вернее, вспомнил Емелька.

— Сегодня идти надо.

— Куда?

— На кладбище.

Мешок лежал неподалёку. За два дня кошка нисколько не улучшилась, и теперь даже Емелька старался держать мешок подальше от себя.

— А почему сегодня?

— Покойника сегодня схоронили.

— Какого?

— Плохого.

Это было важно. По объяснению Емельки, обычный покойник для сведения бородавок годился хуже. Требовался человек грешный, желательно такой, за которым нечистая сила придёт непременно.

— Откуда знаешь, что плохой?

— Васька Рыбаков сказал.

— А он откуда?

— Его отец сказал.

Этого было достаточно.

Покойник, как выяснилось, был известным на окраине пьяницей и драчуном. Емелька имени его не помнил, зато знал, что однажды тот ударил жену ухватом, два раза сидел в полиции и, по словам Васькиного отца, «такого черти сами встретят».

— Сегодня похоронили на Вознесенском, — сказал Емелька. — Значит, ночью придут.

— Кто?

— Черти.

Фома посмотрел на него.

Емелька говорил совершенно серьёзно.

Способ был известный и надёжный. Надо было прийти к свежей могиле около полуночи и дожидаться, когда черти явятся за покойником. Когда они потащат его прочь, следовало бросить вслед дохлую кошку и сказать:

— Чёрт за покойником, кошка за чёртом, бородавки за кошкой.

После этого бородавки исчезали.

Чем подробнее они обсуждали средство, тем опаснее оно становилось.

Фома посмотрел на свои руки. Бородавки у него действительно были, хотя не настолько большие, чтобы ради них хотелось встречаться с нечистой силой.

— Можно завтра.

— Нельзя.

— Почему?

— Покойник уже старый будет.

Фома хотел возразить, что за один день покойники стареют не особенно сильно, но в правилах сведения бородавок разбирался хуже Емельки.

— Егорку возьмём?

— Зачем?

— Нас трое.

— Кошка одна.

Это рассуждение Фома тоже не понял, но Емелька объяснил, что средство передал ему Васька Рыбаков, а делать они собирались вдвоём. Если взять третьего, ещё неизвестно, на кого перейдут бородавки.

Егорка, узнав, что его не берут, обиделся.

— Я мертвецов не боюсь.

— Мы тоже, — сказал Фома.

— Тогда чего меня не берёте?

— Тайна.

Слово подействовало. Егорка немедленно захотел узнать тайну ещё сильнее, но добиться ничего не смог. В конце концов он ушёл, заявив, что у него и без них есть дела.

Когда он скрылся, Фома спросил:

— А ты правда не боишься?

— Кого?

— Мертвецов.

— Нет.

— А чертей?

Емелька помолчал.

— Если один — нет.

— А если много?

— Смотря сколько.

Это был тот же ответ, который он недавно дал насчёт полиции, и Фоме стало легче. Значит, даже у нечистой силы имелись разумные пределы.

Они договорились встретиться поздно вечером за последними домами. Емелька принесёт кошку. Фома должен был принести огарок свечи, спички и что-нибудь поесть.

— Зачем есть? — спросил Фома.

— Долго ждать.

Емелька всегда умел найти в сверхъестественном практическую сторону.

Домой Фома шёл медленно. Тётка Марья встретила его вопросом, где он был.

— Гулял.

— До вечера?

— Мы с ребятами.

— С Емелькой?

Фома решил не лгать.

— И с Емелькой.

Тётка Марья вздохнула.

— Добром это не кончится.

Фома ничего не ответил.

За ужином он ел больше обычного. Потом незаметно отрезал ещё хлеба и спрятал за пазуху. Тётка Марья заметила, но решила, что мальчик наконец начал нормально есть, и даже обрадовалась.

После ужина Фома долго сидел тихо. Потом лёг. Сидор тоже лёг. Тётка Марья погасила свет. Фома ждал.

Дом постепенно затих. Где-то скрипнула половица. За стеной кашлянула тётка. Потом всё стало тихо.

Фома открыл глаза.

Днём он был Чёрным Фомой, атаманом шайки, будущим грозой Московского тракта. Ночью, в тёмной комнате, Вознесенское кладбище представлялось значительно дальше, чем днём.

Он осторожно встал, взял приготовленный хлеб и огарок свечи и полез к окну. На улице было темно. Фома остановился.

Потом вспомнил, что Емелька уже, наверное, ждёт его сдохлой кошкой. Перед Емелькой отступить было нельзя. Перед чертями, если понадобится, ещё можно было подумать.

Фома выбрался через окно и некоторое время стоял возле дома, прислушиваясь.

Никто не закричал. Тётка Марья не открыла дверь. Сидорка не высунулся из окна с сообщением, что всё видел. Это уже было удачей.

Ночью Солдатская выглядела совсем не так, как днём. Дома стояли тёмные, за заборами иногда лаяли собаки, и каждый человек, показавшийся вдали, заранее казался городовым. Фома шёл быстро и старался держаться ближе к заборам.

Емелька ждал там, где договорились. Мешок с кошкой лежал рядом.

Чем дальше оставался город, тем темнее становилось вокруг. Последние дома редели, впереди уходил Иркутский тракт. Днём по нему ездили телеги, шли люди, тянулись обозы. Ночью дорога была пустой.

Фома вдруг подумал о разбойниках.

Ещё днём ему очень хотелось встретить настоящего. Теперь он решил, что знакомство можно отложить.

— Здесь разбойники бывают? — спросил он.

Через некоторое время Емелька сказал:

— Тут человека прошлой осенью ограбили.

— Где?

— Тут.

— Прямо тут?

— Может, дальше.

Фома предпочёл считать, что дальше.

Лес подходил близко. Днём тайга казалась Фоме местом, специально устроенным для приключений. Теперь между деревьями было темно, и любое приключение могло выйти оттуда само, не дожидаясь приглашения.

В одном месте что-то зашуршало.

Оба остановились.

— Кто там? — шёпотом спросил Фома.

— Не знаю.

— Ты сходи посмотри.

— Сам сходи.

Они постояли. Из кустов выскочила собака и убежала через дорогу. Фома засмеялся. Емелька тоже. Смех получился слишком громким, и оба сразу перестали.

— Я и знал, что собака, — сказал Фома.

— Я тоже.

Через несколько минут вдали показалась тёмная полоса берёз.

— Там, — сказал Емелька.

Вознесенское кладбище было окружено оградой. За ней белели кресты. Берёзы стояли между могилами, и при слабом свете их стволы казались светлее всего остального.

Они нашли, где перелезть, и оказались среди могил.

Теперь Фома старался не наступать на холмики. Емелька сначала тоже старался, потом перестал. Они шли между крестами, разыскивая свежую могилу.

— А если покойник уже ушёл? — спросил Фома.

— Куда?

— Ну... с чертями.

Емелька задумался.

— Тогда яму увидим.

Фома пожалел, что спросил. Наконец Емелька остановился. Перед ними был свежий земляной холм. Земля ещё не успела слежаться, рядом лежали засохшие цветы.

— Этот.

Они спрятались за соседней могилой.

Емелька положил мешок рядом. Запах от него теперь чувствовался особенно хорошо.

— Когда начинать? — прошептал Фома.

— Когда придут.

— А как узнаем?

— Увидим.

Фома сел.

Прошла минута.

Потом ещё несколько.

Ничего не происходило.

Постепенно страх начал уступать место скуке.

Фома достал хлеб. Отломил половину Емельке. Они ели молча.

— А черти едят? — спросил Фома.

— Наверно.

— Чего?

— Грешников.

Фома перестал жевать.

— Сразу?

— Не знаю.

— Ты вообще много чего не знаешь.

— А ты знаешь?

Фома промолчал.

Где-то далеко ударил колокол.

Они прислушались.

— Полночь? — спросил Емелька.

— Наверно.

Теперь снова стало страшно.

Фома приготовил свечу, но зажигать её не решился. Если черти ещё не знали, где они сидят, помогать им не следовало.

Прошло ещё немного времени.

И вдруг Емелька схватил Фому за рукав.

— Смотри.

Между берёзами далеко от них появился огонёк.

Он двигался.

Фома почувствовал, как у него похолодели руки.

Огонёк то исчезал за деревьями, то появлялся снова. Потом рядом с ним возникли тёмные фигуры.

Их было три.

Фома медленно лёг на землю.

Емелька лёг рядом.

— Пришли, — прошептал он.

— Кто?

— Они.

Фигуры приближались к свежей могиле.

Одна несла фонарь. Другая — лопату.

Третья несла что-то ещё.

Фома хотел сказать, что у чертей, насколько он знает, лопат не бывает.

Но решил пока не делать выводов.

Три фигуры подошли ближе.

Фома лежал, прижавшись к земле. Емелька рядом держал мешок с кошкой и, кажется, собирался бросить его при первой возможности.

Человек с фонарём остановился у свежей могилы.

— Здесь, — сказал он.

Фома сразу понял две вещи.

Во-первых, черти разговаривали по-русски.

Во-вторых, голос был ему знаком.

Емелька тоже это понял. Он осторожно опустил мешок.

Человек поднял фонарь выше.

Фома увидел лицо доктора Робинсона.

Еврея Робинсона в Томске знали многие. Он был хирургом и считался хорошим врачом. Тётка Мария говорила, что лечит он лучше, чем разговаривает с людьми. Однажды он спас руку знакомому столяру, которую другой лекарь уже советовал отнять, а потом так обругал выздоровевшего за то, что тот рано начал работать, что столяр несколько дней сомневался, стоило ли руку спасать.

Фома видел доктора несколько раз. Робинсон ходил быстро, говорил громко и смотрел на людей так, будто все они отнимали у него время.

Второго человека Фома не знал.

Емелька придвинулся к нему и прошептал:

— Горшков.

Мефодия Горшкова Емелька знал по пристани. Горшков брался за любую работу, если ему платили сразу, и иногда даже доводил её до конца. Сейчас он был пьян, хотя держался на ногах довольно уверенно.

Третьего Емелька тоже узнал.

— Егор.

Фома посмотрел внимательнее.

Остяка Егора он прежде видел только издали. Тот иногда появлялся в городе, нанимался на тяжёлую работу и говорил мало. Сейчас он нёс две лопаты.

Фома испытал некоторое разочарование. Ни одного черта среди пришедших не оказалось.

Потом он задумался, зачем трое взрослых людей пришли ночью на кладбище с лопатами, и разочарование прошло.

— Начинайте, — сказал Робинсон.

Горшков посмотрел на могилу.

— А деньги?

— После.

— Уговор был прежде.

— Половину ты уже получил.

— Половина была за дорогу.

— Какая ещё дорога? Ты прошёл две версты.

— Ночью.

Робинсон раздражённо вздохнул.

— Мефодий, если ты сейчас начнёшь торговаться, я найду человека, который умеет копать молча.

— Ночью?

— И ночью.

Горшков хотел что-то ответить, но Егор уже воткнул лопату в землю.

— Копай, — сказал он.

Горшков взял вторую.

Фома почувствовал, как Емелька снова схватил его за рукав.

— Они его выкапывают.

— Вижу.

— Зачем?

Фома не знал.

Робинсон поставил фонарь на землю и присел возле могилы. Рядом лежал свёрнутый брезент или большая грубая ткань.

Лопаты входили в свежую землю почти без звука. Мальчики лежали неподвижно. Через некоторое время Горшков остановился.

— Доктор.

— Что?

— А тебе он зачем?

— Не твоё дело.

Егор продолжал копать.

Робинсон сказал:

— Мне нужно изучить повреждение. При жизни я его не видел. После смерти ваши умники решили, что хоронить быстрее, чем спрашивать врача.

— Так уже похоронили, — заметил Горшков.

— Это я вижу.

— Значит, начальство не разрешило?

Робинсон резко повернулся.

— Начальство много чего не разрешает. Особенно того, чего не понимает.

Горшков усмехнулся.

— А кладбище, значит, разрешило?

— Копай.

Горшков снова взялся за лопату.

Фома лежал и пытался понять услышанное. Выходило, что доктору понадобился покойник для лечения или науки, но начальство резать покойника не дало, и поэтому доктор пришёл за ним сам.

Фоме это даже немного понравилось.

Если бы господин Вальтер запрещал ему получить нужную книгу, Фома тоже предпочёл бы добыть её другим способом.

Но книгу обычно не приходилось выкапывать ночью из могилы.

Лопаты уходили всё глубже. Наконец раздался глухой стук. Горшков остановился.

— Есть.

Они начали расчищать землю руками. Потом показалась крышка гроба. Фома почувствовал, что смотреть больше не хочет.

Но отвернуться тоже не мог.

Через несколько минут мужчины подняли гроб. Горшков тяжело дышал. Даже Егор вытер лоб рукавом.

Робинсон подошёл ближе.

— Открывайте.

Горшков посмотрел на него.

— Сам открывай.

— Я вам за что плачу?

— За копать договаривались.

— И за тело.

— Тело вот.

Робинсон полез в карман.

— Хорошо. Ещё рубль.

Горшков сразу согласился. Крышку открыли. Фома зажмурился. Потом всё-таки посмотрел.

Емелька не смотрел совсем.

Мужчины переложили покойника на приготовленную ткань и завернули.

Горшков протянул руку.

— Теперь деньги.

Робинсон достал кошелек и отсчитал несколько монет.

Горшков пересчитал.

— Мало.

— Ровно столько, сколько договорились.

— За гроб отдельно.

— Я только что дал тебе рубль.

— Это за открыть.

Робинсон посмотрел на него.

— Ты решил брать плату за каждое движение?

— Работа ночная.

Робинсон коротко засмеялся.

— Ты и днём столько не стоишь.

Горшков нахмурился.

Егор до сих пор почти не говорил. Теперь он поднял голову.

— Заплати.

Робинсон повернулся к нему.

— А ты молчи. С тобой я уже рассчитался.

Егор смотрел на него спокойно.

— Не рассчитался.

— Опять?

— За тот раз.

Робинсон некоторое время молчал. Потом вспомнил, о чём речь.

— Это было давно.

— Было.

— И ты всё ещё помнишь?

— Помню.

Робинсон усмехнулся.

— Тогда я правильно сделал, что выгнал тебя.

Егор ничего не ответил.

Но Фома, лежавший в темноте за могилой, вдруг подумал, что лучше бы доктор этого не говорил.

Несколько секунд никто не говорил.

Робинсон первым отвернулся.

— Хватит. Берите тело и идём.

Егор не двинулся.

— За тот раз заплати.

Доктор снова повернулся к нему.

— За какой ещё раз?

— Сам знаешь.
— Я знаю только, что однажды нанял тебя, а ты явился пьяный и испортил работу.
— Я не был пьяный.
Робинсон пожал плечами.
— Значит, трезвый работаешь ещё хуже.
Горшков засмеялся.
Егор посмотрел на него, и тот сразу перестал.
— Ты меня при людях ударил, — сказал Егор.
— Потому что ты полез на меня.
— После того как ты деньги не отдал.
Робинсон помолчал, вспоминая.
— Ах, вот оно что.
Егор ждал.
— И ты помнишь все это столько времени? Зря. Я уже забыл.
Фома услышал, как Емелька рядом очень тихо втянул воздух.
Робинсон достал кошелек.
— Вот тебе ещё полтинник. И кончим.
Он бросил монету на землю. Егор посмотрел на неё, но не нагнулся.
— Подними.
— Сам поднимешь.
— Я тебе не слуга.
— Сегодня слуга. Я тебе плачу.
Егор стоял неподвижно.
Горшков переступил с ноги на ногу.
— Доктор, ты бы отдал ему...
— Не вмешивайся.
— Я чего. Мне всё равно.
Робинсон подошёл к Егору.
— Подними деньги и бери свой конец носилок.
— Не возьму.
— Тогда уходи.
— Сначала заплати.
— Я заплатил за сегодня. За старые обиды я не плачу.
Егор впервые повысил голос:
— Тогда сейчас заплатишь.
Робинсон ударил его.
Всё произошло так быстро, что Фома не сразу понял, что началась драка.
Егор бросился на доктора. Робинсон оказался сильнее, чем выглядел. Он оттолкнул Егора, тот налетел спиной на край могилы, но удержался на ногах.
Горшков схватил Робинсона за плечо.
— Хватит!
Доктор резко развернулся и ударил его.
Горшков пошатнулся, выругался и полез на Робинсона уже всерьёз. Теперь дрались трое.
Фома лежал, не двигаясь.
Вчера они с Егоркой и Емелькой тоже дрались. Егорка стрелял из деревянного пистолета, Емелька махал палкой, убитые вставали и снова вступали в бой.
Здесь никто не смеялся.
Горшков выхватил нож.
— Мефодий! — крикнул Робинсон.

Он успел схватить лежавшую рядом доску от гроба и ударил Горшкова по голове. Горшков упал. Нож выпал из его руки. Егор кинулся на Робинсона.

Доктор встретил его доской. Первый удар пришёлся по плечу. Егор отступил. Второй он перехватил руками.

Несколько мгновений они боролись за доску. Робинсон вырвал её и замахнулся снова. Егор отступил ещё на шаг. Его нога коснулась ножа Горшкова. Он нагнулся. Фома понял, что сейчас произойдёт, раньше, чем это произошло.

Он хотел закрыть глаза.

Не успел.

Егор бросился вперёд. Робинсон остановился. На его лице сначала было удивление. Потом он посмотрел вниз. Егор отступил.

Доктор сделал шаг, ещё один, выпустил доску и упал рядом с открытой могилой.

Всё стало тихо.

Фома слышал собственное дыхание.

Емелька вцепился ему в руку так сильно, что было больно.

Егор стоял над доктором.

Потом нагнулся.

Фома надеялся, что Робинсон сейчас встанет.

Доктор не вставал.

Егор выпрямился.

В руке у него был нож.

Несколько минут назад Фома ещё думал, что доктор зря дразнит человека, который помнит старую обиду. Теперь ему хотелось, чтобы Робинсон снова заговорил — пусть ругается, пусть требует денег, пусть называет всех идиотами.

Но Робинсон больше ничего не сказал. Егор посмотрел на Горшкова. Тот лежал без движения. Потом Егор посмотрел вокруг.

Фома прижался лицом к земле.

Теперь он окончательно понял, что книжные разбойники и настоящие — совсем разные люди.

Егор постоял над Робинсоном, потом вытер нож о траву.

Фома перестал дышать.

Ему казалось, что стоит Егору повернуть голову в их сторону — и всё кончено. Емелька лежал рядом совершенно неподвижно. Даже мешок с кошкой больше не пах так сильно, потому что теперь Фома ничего, кроме страха, не замечал.

Егор подошёл к Горшкову.

Мефодий застонал.

Фома почувствовал облегчение. Значит, хотя бы один был жив.

Егор присел рядом.

— Мефодий.

Горшков не ответил.

— Мефодий, вставай.

Тот пошевелился, потрогал голову и снова застонал.

— Что...

— Вставай.

Горшков сел. Некоторое время он смотрел перед собой, ничего не понимая. Потом увидел Робинсона.

— Чё это?

Егор молчал.

Горшков попытался подняться, но снова сел.

— Доктор...

Он посмотрел на Егора.

— Чё с ним?

— Убит.

Горшков протрезвел.

— Кто убил?

Егор посмотрел на него.

— Ты.

Горшков замер.

— Ты его зарезал.

— Врёшь.

— Нож твой.

Горшков посмотрел на свою руку, будто ожидал увидеть нож там. Потом стал шарить вокруг.

Егор указал на траву. Нож лежал возле Робинсона. Горшков пополз к нему, остановился и долго смотрел.

— Не может быть.

— Может.

— Я не помню.

— Потому что по голове получил.

Горшков снова потрогал затылок.

— Я на него с ножом пошёл?

— Пошёл.

— А потом?

— Он тебя доской. Ты упал. Потом встал.

Горшков смотрел на него с ужасом.

— И чё?

Егор не ответил сразу.

— Зарезал.

— Не может быть.

— Я видел.

Горшков перевёл взгляд на Робинсона.

— Я бы не стал.

— Пьяный был.

Мефодий закрыл лицо руками.

Несколько минут он сидел молча.

— Егор...

— Чё?

— Ты никому не скажешь?

Егор усмехнулся.

— А мне зачем?

— Я не хотел.

— Знаю.

— Он меня ударил.

— Видел.

— Я ничего не помню.

— Бывает.

Горшков снова посмотрел на мёртвого доктора.

— Господи...

Егор поднял нож, взял руку Горшкова и вложил его туда.

— Убери.

Горшков попятился от ножа, будто тот мог сам за ним поползти.

— Надо уходить.

— Иди.

Мефодий сделал несколько шагов, остановился.

— Егор.

— Ну?

— Ты точно видел?

— Видел.

— Что я?

— Ты.

Горшков постоял ещё немного.

— Никому.

— Никому.

Мефодий пошёл между могилами. Сначала медленно, потом быстрее. Через несколько минут его шаги стихли.

Егор остался один.

Фома боялся даже поднять глаза.

Егор подошёл к телу Робинсона. Обыскал карманы, забрал кошелёк. Потом взял фонарь.

На мгновение свет скользнул совсем близко от того места, где лежали мальчики.

Емелька стиснул Фомину руку. Фонарь ушёл в сторону.

Егор посмотрел на раскрытый гроб, на свёрток с выкопанным покойником, потом на доктора.

— Вот и полечил, — сказал он.

Он поднял одну из лопат и ушёл. Огонёк фонаря долго мелькал между берёзами. Потом исчез. Мальчики не двигались. Прошла минута. Потом другая.

Фома поднял голову.

— Ушёл?

Емелька прислушался.

— Кажись.

Они ещё немного полежали.

— Бежим, — сказал Фома.

Они вскочили одновременно.

Фома даже не посмотрел на Робинсона. Емелька схватил мешок, и оба бросились между могилами.

Они перелезли через ограду и побежали по дороге к городу. Фома никогда ещё не бежал так быстро.

Он не думал ни о тётке Марье, ни о том, что ночью его могут поймать, ни о школе, ни о Варе. Даже настоящие разбойники Московского тракта теперь казались ему людьми, с которыми можно было договориться.

За спиной оставалось кладбище.

Впереди был Томск.

Но между ними теперь была тайна, которую нельзя было рассказать никому.

Они остановились только тогда, когда кладбища уже не было видно.

Фома согнулся и упёрся руками в колени. Емелька сел прямо на землю. Некоторое время оба только дышали.

— Видел? — спросил наконец Фома.

— Видел.

— Он его ножом.

— Видел.

Они снова замолчали.

До сих пор всё случившееся казалось Фоме чем-то, что осталось там, между могилами. Но теперь он понял, что утром в Томске найдут доктора Робинсона. Потом найдут нож. Потом Горшкова. Начнут спрашивать людей.

А они знают правду.

— Надо сказать, — сказал Фома.

Емелька сразу поднял голову.

— Кому?

— Полиции.

— Ты чего?

— Горшкова повесят.

Фома не знал точно, вешают ли за убийство именно так и именно сейчас, но был уверен, что ничего хорошего с Мефодием не произойдёт.

— А Егор? — спросил Емелька.

Фома промолчал.

— Он узнает, — продолжал Емелька.

Егор действительно производил впечатление человека, который узнаёт такие вещи.

— Мы скажем полиции, — предложил Фома. — А они его поймают.

— А если не поймают?

Фома вспомнил лес, кладбище и нож.

— Поймают.

— А если сначала нас найдёт?

Фома сел рядом. Об этом он не подумал. Емелька говорил тихо:

— Он Горшкова подставил. И доктора убил. Нас ему чего, жалко будет?

Фома ничего не ответил.

Ещё вчера они рассуждали, что полагается делать с предателями разбойничьей шайки. Тогда убийство представлялось простым делом. Человека объявляли предателем, убивали, а потом переходили к следующей главе.

Настоящий убитый доктор Робинсон лежал сейчас возле раскрытой могилы.

— Никому не скажем, — сказал Емелька.

— А Горшков?

Емелька нахмурился.

— Жалко.

— Его за убийцу примут.

— Знаю.

Они долго сидели молча.

Фома вдруг вспомнил вчерашнюю клятву.

— Надо поклясться.

— Мы уже клялись.

— То была разбойничья.

— А эта какая?

Фома подумал.

— Настоящая.

Это слово не понравилось обоим.

Фома достал из кармана огрызок карандаша. Бумаги не было. После некоторого поиска Емелька нашёл кусок старой обёртки, в которую прежде был завернут хлеб.

Фома разгладил её на колене.

— Что писать?

Емелька не знал.

Фома написал медленно, стараясь делать буквы крупными:

«Мы, Фома Пильняков и Емельян Брусничкин, клянёмся никому никогда не говорить того, что видели сегодня ночью на Вознесенском кладбище».

Он прочитал.

— Надо ещё, — сказал Емелька.

— Чего?

— Чтоб если скажем, умереть.

Фома посмотрел на него.

— Обязательно?

— Иначе какая клятва?

Фома дописал:

«А если кто скажет, пусть умрёт».

Оставалось подписать.

Фома написал своё имя.

Емелька поставил крест.

— Кровью надо, — сказал Фома.

На этот раз Емелька посмотрел на него без восторга.

— Зачем?

— Настоящие клятвы кровью подписывают.

— Кто сказал?

— В книгах.

Емелька вздохнул.

Фома достал маленький ножик. Большого ножа у него больше не было после воскресной торговли билетами. Он слегка уколол палец.

Было больнее, чем ожидалось.

— Давай ты.

— Сам начал.

Фома выдавил каплю крови и размазал возле имени.

Емелька сделал то же самое возле своего креста.

Теперь бумага выглядела достаточно страшно.

Они сложили её несколько раз и спрятали под камнем у дороги.

— Всё, — сказал Фома.

— Всё.

Они поднялись.

До города оставалось ещё идти, а потом Фоме предстояло незаметно попасть домой. Но теперь обычные неприятности казались почти приятными. Пусть тётка Марья поймает. Пусть Сидорка донесёт. Пусть учитель оставит после уроков хоть на целый день.

Главное, чтобы нигде не появился Остяк Егор.

Они прошли несколько шагов.

Емелька вдруг остановился.

— Фомка.

— Чего?

— Кошка.

Фома тоже остановился.

Они посмотрели друг на друга.

Мешка ни у одного не было.

— Ты её не взял?

— Я думал, ты взял.

— Она твоя.

— Не моя. Я её нашёл.

Фома посмотрел назад.

Где-то далеко в темноте находилось Вознесенское кладбище. Там лежал доктор Робинсон, стоял раскрытый гроб и возле какой-нибудь могилы остался мешок с дохлой кошкой.

— Вернёмся? — спросил Емелька.

Фома долго смотрел в ту сторону.

— Нет.

— А бородавки?

Фома посмотрел на руки.

— Пусть будут.

Они пошли дальше.

Ночью Фома Пильняков отправился на кладбище, чтобы избавиться от бородавок. Вернулся он с теми же бородавками, без кошки и с тайной об убийстве.

Это был не самый удачный способ лечения.

Глава 6. Тайна доктора Робинсона

Фома добрался домой перед рассветом.

Влезть обратно через окно оказалось труднее, чем выбраться. Ночью, уходя на кладбище, он был разбойничьим атаманом и двигался бесшумно. Теперь он устал, хотел спать и два раза задел ногой стену.

В комнате Сидор перевернулся на другой бок. Фома замер. Сидор что-то пробормотал и затих.

Фома разделся и лёг.

Спать он не мог.

Стоило закрыть глаза, как появлялось кладбище. Фонарь. Раскрытая могила. Робинсон, который говорил Егору, чтобы тот поднял деньги. Потом нож.

Фома открывал глаза.

Комната была знакомая. Рядом спал Сидор. За стеной иногда кашляла тётка Марья. За окном начинало светать.

Фома снова закрывал глаза. Робинсон падал возле могилы. Так продолжалось до утра.

Проснулся Фома оттого, что тётка Марья трясла его за плечо.

— Вставай.

Фома открыл глаза.

— Я не пойду.

— Куда?

Он сразу проснулся окончательно.

— Никуда.

— Вставай, в школу пора.

Фома сел.

Тётка Марья посмотрела на него внимательнее.

— Ты чего бледный?

— Спать хочу.

— Ночью надо спать.

Фома ничего не ответил.

За завтраком он почти не ел. Сидор это заметил.

— Ты заболел?

— Нет.

— А чего не ешь?

— Не хочу.

— Ты всегда хочешь.

Фома посмотрел на него так, что Сидор решил заняться собственной кашей. Тётка Марья вышла во двор. Через минуту оттуда послышались голоса. Потом ещё один.

Потом тётка вернулась.

— Господи помилуй.

Фома сразу понял. Ложка остановилась у него в руке.

— Чего? — спросил Сидорка.

— Робинсона убили.

Фома уронил ложку.

Она ударилась о миску.

Тётка Марья посмотрела на него.

— Ты чего?

— Горячо.

Каша была почти холодная.

Сидорка посмотрел сначала на кашу, потом на Фому.

— Где убили? — спросил он.

— На Вознесенском кладбище. Ночью.

Фома опустил глаза.

— А чего он там делал? — спросил Сидор.

— Могилу какую-то раскопали. Говорят, покойника вытащили. Робинсон там лежит зарезанный.

В комнату вошла соседка, даже не постучав.

— Марья! Слыхала?

— Только что.

— Горшкова нож нашли!

Фома почувствовал, что теперь ему действительно стало жарко.

— Какого Горшкова? — спросила тётка.

— Мефодия. Который у пристани всё ошивается.

— Пьяницу?

— Его самого.

Соседка была счастлива тем особенным счастьем, которое иногда испытывают люди, когда случилось большое несчастье, но не с ними.

— Говорят, нож его возле самого доктора. И кровь кругом. Народ уже туда идёт.

— Нашли Горшкова?

— Ищут.

Сидор вскочил.

— Я тоже пойду!

— Сядь, — сказала тётка Марья.

Сидор сел.

Фома подумал, что никогда в жизни не хотел так сильно уйти в училище.

Но тётка Марья сказала:

— Сегодня, поди, половина города туда сбежится.

Соседка кивнула.

— Уже бегут. И мальчишки все.

Фома понял, что в училище тоже будут говорить только об убийстве.

— Робинсон-то вредный был, — продолжала соседка. — Царство ему небесное. Со всеми ругался.

— Вредный, — согласилась тётка Марья. — Зато врач хороший.

— Хороший. Моему зятю ногу вылечил.

— А Прохорову руку спас.

— Спас. Потом Прохоров его ещё месяц ругал.

— За что?

— Робинсон его первый обругал.

Обе женщины помолчали.

— Жалко всё равно, — сказала тётка Марья.

— Конечно жалко. Молодой ещё. Ну и что, что еврей.

Фома смотрел в миску.

Ещё вчера доктор Робинсон был живым человеком, которого в Томске кто-то любил, кто-то терпеть не мог, а кто-то звал, когда становилось совсем плохо. Сегодня он уже превращался в историю, которую рассказывали соседи.

— А кто убил? — спросил Сидорка.

— Если нож Горшкова, значит, Горшков, — сказала соседка.

Фома поднял голову. Он хотел сказать: «Нет». Слово уже почти появилось. Потом он вспомнил Егора на кладбище и промолчал.

Сидор снова посмотрел на него.

— Ты чего такой?

— Какой?

— Станный.

— Сам ты странный.

Это прозвучало достаточно обычно, и Сидор успокоился.

Через некоторое время Фома взял книги и вышел.

На улице убийство уже знали все. У ворот разговаривали женщины. Возле лавки стояли мужчины. Двое мальчишек бежали в сторону Иркутского тракта.

— Робинсона зарезали!

— На кладбище!

— Горшков!

Каждый следующий человек знал немного больше предыдущего. Один уже знал, что Горшков убил доктора из-за денег. Другой — что они вместе грабили могилы. Третий утверждал, что Робинсон занимался колдовством, что типично для евреев, и потому ходил ночью за мертвецами.

К тому времени, когда Фома дошёл до конца улицы, доктор Робинсон успел быть убит из-за денег, науки, мести, женщины и нечистой силы. Только Фома знал, как всё произошло на самом деле. Он впервые обнаружил, что знать правду бывает гораздо тяжелее, чем не знать её.

Фома сначала пошёл в сторону училища.

Он прошёл один квартал, потом второй. На каждом углу говорили о Робинсоне. Чем дальше он шёл, тем труднее становилось делать вид, что самое интересное место в Томске сейчас находится на Магистратской улице.

Возле перекрёстка мимо пробежали трое мальчишек.

— Фомка! Ты куда?

— В училище.

— Дурак! Горшкова поймали!

Фома остановился.

— Где?

— На кладбище ведут!

Мальчишки побежали дальше. Фома посмотрел в сторону училища. Потом в сторону Иркутского тракта. Решение заняло немного времени.

Когда он добрался до Вознесенского кладбища, там уже стояла толпа.

Люди толкались возле ограды, спорили, пересказывали друг другу подробности. Городовой никого не пускал к могиле, но это не мешало каждому второму утверждать, что он уже всё видел.

— Прямо в сердце.

— Не в сердце, а под ребро.

— Нож Горшкова.

— Откуда знаешь?

— Все знают.

Фома протиснулся вперёд.

Днём кладбище выглядело совсем иначе. Берёзы были обыкновенными берёзами. Кресты стояли спокойно. Никакой нечистой силы не было.

От этого становилось ещё хуже.

Фома увидел свежую могилу.

Гроб уже закрыли. Выкопанного покойника, должно быть, вернули обратно. Неподалёку несколько человек осматривали землю.

Робинсона не было.

Осталось только тёмное пятно возле могилы.

Фома отвернулся.

— Вот он!

Толпа зашевелилась.

По дороге вели Мефодия Горшкова.

Рядом шёл городской. Горшкова никто не держал. Он и без того едва передвигал ноги.

Фома сначала подумал, что тот опять пьян. Потом увидел его лицо.

Мефодий был трезвый.

— Где нашли? — закричал кто-то.

— В овраге спал!

— Бежать хотел!

— Никуда он не бежал, там и валялся!

Горшков смотрел перед собой и ничего не отвечал.

Кто-то в толпе сказал:

— Убийца.

Мефодий вздрогнул.

Его подвели ближе.

— Нож твой? — спросил человек в форменной фуражке.

Фома не знал, кто он такой, но все вокруг сразу замолчали.

На платке лежал нож.

Горшков посмотрел на него.

— Мой.

По толпе прошёл шум.

— Вот!

— Чего ещё искать!

— Тихо! — крикнул городской.

Человек в фуражке спросил:

— Как он оказался здесь?

— Не знаю.

— Вчера с доктором Робинсоном был?

Горшков опустил голову.

— Был.

Шум стал громче.

— Зачем?

— Работа была.

— Какая?

Горшков молчал.

— Могилу раскапывали?

— Раскапывали.

Теперь даже самые сомневавшиеся в толпе были удовлетворены.

Фома чувствовал, что ему трудно дышать.

И тут люди снова расступились.

Фома увидел Егора. Он шёл спокойно. На нём была та же одежда, что ночью. Только теперь при дневном свете Егор выглядел совсем обыкновенным человеком.

Фома быстро отступил за спины взрослых.

Егор подошёл.

— Ты был с ними? — спросил человек в фуражке.

— Был.

— Рассказывай.

Егор посмотрел на Горшкова. Мефодий поднял голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Егор начал говорить.

Он рассказал, как доктор нанял их выкопать тело. Как после работы Горшков потребовал ещё денег. Как Робинсон отказался. Как они стали ругаться.

Всё это было правдой.

Фома слушал и ждал.

Потом правда кончилась.

— Мефодий нож достал, — сказал Егор.

Горшков побледнел.

— Я?

— Ты.

— Не помню.

— Пьяный был.

— Дальше, — сказал человек в фуражке.

— Доктор доску схватил. Мефодия по голове ударил. Тот упал. Потом поднялся и ножом его.

В толпе кто-то охнул.

Фома смотрел на Егора.

Тот говорил без спешки. Не путался. Не отводил глаз. Иногда останавливался, чтобы вспомнить подробность.

Фома знал, что каждая подробность ложная. И от этого рассказ звучал ещё убедительнее.

— А ты что делал? — спросили Егора.

— Испугался.

— Почему сразу в полицию не сообщил?

Егор пожал плечами.

— Боялся.

Это тоже прозвучало убедительно.

Горшков смотрел на него.

— Егор.

— Чего?

— Я правда его?

Егор помолчал.

— Правда.

— Сам видел?

— Сам.

Горшков закрыл лицо руками.

— Господи...

Фома почувствовал, что сейчас закричит. Он протиснулся назад. Кто-то наступил ему на ногу. Кто-то выругался. Фома ничего не заметил.

За спиной продолжали расспрашивать Егора.

— Погодите! — сказал вдруг Горшков.

Фома остановился.

— Чего? — спросил человек в фуражке.

— Он меня доской ударил?

— Ударил, — ответил Егор.

— А потом я встал?

— Встал.

Горшков долго молчал.

— Ничего не помню.

— Потому и не помнишь.

Мефодий опустил голову.

— Значит, я.

— Убили еврейчика, - заголосила какая-то баба, - алкаш убил.

Его увели.

Толпа двинулась следом.

Теперь дело было почти раскрыто. Был мёртвый доктор. Был нож. Был хозяин ножа. Был свидетель. Сам хозяин ножа тоже уже почти соглашался, что убийца он.

Только два мальчика в Томске знали, что всё это неправда. Фома дождался, пока Егор отвернётся, и пошёл прочь. Он почти дошёл до ограды, когда увидел в траве что-то знакомое. Из-за могильного холмика торчал край старого мешка.

Фома остановился.

Кошка.

Он сразу пошёл быстрее.

Теперь на кладбище оставалась ещё одна вещь, которая могла рассказать о прошлой ночи. К счастью, дохлых кошек допрашивать пока никто не умел.

Емельку Фома нашёл только после полудня возле Томи.

Тот сидел под перевёрнутой лодкой, куда забирался в дождь и когда не хотел, чтобы его нашли. Увидев Фому, он сразу спросил:

— Поймали?

— Горшкова.

Емелька кивнул.

— Я слышал.

Фома сел рядом.

— Егор всё рассказал.

— Чего?

— Будто Горшков доктора убил.

Емелька посмотрел на него.

— А Горшков?

— Не помнит. Думает, может, и правда он.

Они помолчали.

По реке шла лодка. На другом берегу стоял лес. Вчера он казался им подходящим местом для разбойников. Сегодня Фома на него почти не смотрел.

— Надо сказать, — произнёс он.

Емелька сразу покачал головой.

— Мы же поклялись.

Фома взял щепку и стал ломать её на кусочки.

— Горшкова посадят.

— Посадят.

— А потом судить будут. Могут на каторгу отправить.

Емелька подумал.

— Могут.

— А он не убивал.

— Не убивал.

Фома рассердился.

— Чего ты всё за мной повторяешь?

— А что еще сказать?

На это ответа не было.

Фома бросил щепку.

— Горшков - алкаш. И ворует, наверно. И вообще человек плохой.

Емелька посмотрел на него.

— Доктора всё равно не он убил.

Фома замолчал.

Именно это было неприятно.

Если бы Мефодий Горшков оказался хорошим человеком, всё было бы просто. Хорошего человека нельзя отдавать под суд за чужое убийство. Но Горшков хорошим человеком не был. Он пил, шатался по пристани, соглашался ночью раскапывать могилы за деньги и, вероятно, совершил за свою жизнь много такого, за что тётка Марья запретила бы Фоме даже разговаривать с ним.

Но доктора Робинсона он не убивал.

Фома впервые обнаружил, что человек может быть плохим и всё-таки быть невиновным.

— Если скажем, Егора повесят, — сказал Емелька.

— За убийство.

— А он нас раньше убьёт.

— Откуда узнает?

Емелька посмотрел на Фому так, словно тот предложил проверить это опытным путём.

— Кроме нас кто видел?

Фома понял.

Если полиция вдруг узнает правду, Егору не потребуется долго искать источник.

— Можно письмо написать.

— Кому?

— В полицию. Без имени.

— А они поверят?

Фома задумался. Чтобы поверили, надо было все объяснить, а тогда остяк Егор будет искать. Что если изменить почерк?

Фома попробовал написать пальцем на земле несколько букв другим почерком.

Получилось хуже обычного, но всё равно похоже на школьное письмо.

— Можно левой рукой.

— А если узнают?

— Кто?

— Учитель.

Фома представил, как учитель рассматривает тайное донесение об убийстве и говорит: «Пильняков. Опять небрежно написано».

Письмо пришлось отменить.

— А если сказать священнику? — предложил Фома.

— Он полиции скажет.

Это тоже было разумно.

Они перебрали ещё несколько способов открыть правду так, чтобы никто её не узнал. Все оказались плохими.

Наконец Емелька сказал:

— Мы же клялись.

— Помню.

— Значит, молчим.

Фома ничего не ответил.

Емелька полез в карман и достал кусок хлеба.

— Будешь?

Фома взял.

Некоторое время они ели.

— Кошку нашли? — спросил Емелька.

— Я видел мешок.

— Где?

— Там же.

Емелька перестал жевать.

— А если по ней нас найдут?

— Как?

— Не знаю.

Они задумались.

Кошка была дохлая, ничья и ничем не отличалась от множества других кошек, кроме того, что именно её два мальчика принесли ночью на место убийства.

Этого казалось достаточно, чтобы она снова стала опасной.

— Забрать надо, — сказал Емелька.

Фома представил Вознесенское кладбище, толпу, полицию, Егора и мешок.

— Нет.

— Тогда пусть лежит.

Они решили оставить кошку судьбе.

После этого Фома пошёл домой.

По дороге ему несколько раз казалось, что за ним кто-то идёт. Один раз это оказался торговец. Второй — старуха. Третий раз никого не было.

Возле дома стоял незнакомый мужчина. Фома остановился. Мужчина посмотрел на него.

— Ты Пильняков?

У Фомы похолодело внутри.

— Какой?

— Фома.

Фома приготовился бежать.

— Тётка твоя дома?

— Дома.

— Скажи, Семён от Макушина приходил.

Мужчина ушёл. Фома ещё некоторое время стоял возле ворот. Потом вошёл во двор. Вечером он лёг рано. Тётка Марья удивилась.

— Не заболел ли?

— Нет.

— Ты сегодня какой-то тихий.

— Устал.

Сидор посмотрел на него со своей постели.

— Он ночью разговаривал.

Тётка Марья заинтересовалась.

— А что говорил?

Сидор задумался.

— Не разобрал. Про какого-то Егора.

Фома почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— Ничего я не говорил.

— Говорил.

— Тебе приснилось.

— Я не спал.

Фома хотел ответить, но тётка Марья уже смотрела на него внимательно.

— Какого Егора?

— Не знаю, — сказал Фома.

Он отвернулся к стене.

Теперь выяснилось, что сохранить тайну трудно даже тогда, когда молчишь.

На следующее утро тётка Марья окончательно решила, что Фома заболел.

Оснований было достаточно. Он плохо спал, почти не ел, сидел тихо и второй день не пытался никуда убежать. Последнее казалось особенно опасным признаком.

— Я здоров, — сказал Фома.

Тётка приложила ладонь к его лбу.

— Горячий.

— У меня всегда такой.

— Не выдумывай.

Она достала из шкафа бутылку.

Фома насторожился.

— Это чего?

— Лекарство.

— От чего?

— От твоего.

— А у меня чего?

— Вот лекарство и покажет.

Фома считал такой способ определения болезни неправильным, но спорить было поздно.

Лекарство оказалось тёмным, горьким и пахло так, будто его изготовили из всего, что человек добровольно есть не станет.

— Пей.

Фома выпил ложку. Лекарство обожгло рот и горло. Он закашлялся.

— Вот, — сказала тётка Марья. — Значит, действует.

Фома не понимал, почему всё неприятное взрослые считали полезным. Если лекарство было вкусным, ему не доверяли. Если оно вызывало желание немедленно умереть, значит, лечение шло правильно.

Через несколько часов тётка дала вторую ложку. К вечеру Фома чувствовал себя хуже, чем до начала лечения. На следующий день лечение продолжилось.

Тётка Марья решила, что одной болезни недостаточно. Она укутала Фому, напоила горячим отваром и велела лежать.

Фома лежал.

Он был даже рад не идти в училище. Там все говорили о Робинсоне и Горшкове. Дома говорили о том же, но можно было накрыться одеялом.

Хуже всего было лекарство. Тётка давала его регулярно. На третий раз Фома начал думать о смерти. На четвёртый — о бегстве. На пятый ему помог кот.

Кот принадлежал всему дому и никому отдельно. Он появлялся, когда была еда, и исчезал, когда от него требовали пользы. Сейчас он сидел возле кровати и смотрел на Фому.

— Хочешь лекарство? — спросил Фома.

Кот моргнул.

— Очень полезное.

Кот подошёл ближе.

Фома налил немного лекарства в ложку.

Кот понюхал.

Отвернулся.

— Нет, брат. Я тоже сначала не хотел.

Фома поймал его.

Дальнейшее потребовало некоторого труда. Через несколько секунд кот оказался свободен.

Сначала он просто стоял. Потом подпрыгнул. Потом ещё раз.

Потом с огромной скоростью понёсся по комнате, вскочил на лавку, с лавки на стол, опрокинул чашку, зацепил скатерть и вместе с ней стащил на пол миску.

Сидор вбежал из соседней комнаты.

— Чё с ним?

Кот пронёсся мимо него.

Сидор отскочил.

Кот ударился в дверь, развернулся, взлетел на сундук, с сундука на печь и оттуда с диким криком прыгнул обратно.

Тётка Марья появилась в дверях.

— Господи!

Кот пробежал между её ногами и исчез. Тётка посмотрела на разбитую миску. Потом на Фому. Потом на бутылку. Фома сидел в постели с ложкой в руке.

— Ты что сделал?

— Коту плохо было.

Тётка Марья подошла ближе.

— И ты дал ему лекарство?

— Чтобы выздоровел.

— А если кот сдохнет?

Фома посмотрел туда, куда убежал кот.

— Не сдохнет. Он теперь очень бодрый.

Сидор засмеялся. Фома показал ему кулак. Тётка Марья взяла бутылку.

— Вот ведь наказание.

Она уже собиралась уйти, но остановилась.

— А чего ты вообще такой психованный ходишь?

Фома ничего не ответил.

— В училище чего случилось?

— Нет.

— Подрался?

— Нет.

— С девчонкой что-то?

Фома покраснел.

Тётка Марья заметила.

— А-а.

— Ничего такого.

— Ну и ладно.

Она неожиданно погладила его по голове.

— Пройдёт.

Фома чуть не рассмеялся. Если бы дело было только в Варе, он сейчас считал бы себя самым счастливым человеком в Томске. Тётка вышла. Фома лёг обратно.

Через некоторое время из сеней осторожно появился кот. Он посмотрел на Фому. Фома посмотрел на кота. Кот выгнул спину.

— Больше не дам, — пообещал Фома.

Кот ему не поверил и ушёл.

После этого тётка Марья лекарство больше не приносила.

Лечение закончилось успешно.

Болезнь осталась.

Через несколько дней Фома снова встретился с Емелькой.

За это время Мефодия Горшкова посадили. В городе уже почти не спорили о том, кто убил доктора Робинсона. Нож принадлежал Горшкову, Остяк Егор видел убийство своими глазами, а сам Горшков ничего толком отрицать не мог.

Для большинства людей дело было ясное. Для Фомы и Емельки — нет.

— Где его держат? — спросил Фома.

— При полиции.

— Увидеть можно?

— Не знаю.

Емелька знал мальчишку, чей старший брат однажды сидел под арестом за драку. Через этого мальчишку удалось выяснить, где содержат Горшкова и с какой стороны к помещению можно подойти. Они купили на две копейки хлеба. Емелька добавил немного табаку, который неизвестно откуда взял.

До арестантского помещения они дошли отдельно. Фома пришёл первым, постоял неподалёку и несколько раз прошёл мимо, изображая человека, которому совершенно нечего здесь делать.

Потом появился Емелька.

— Там.

Они обошли здание.

Окно было высоко, с решёткой.

Фома посмотрел вверх.

— Мефодий!

Никто не ответил.

— Горшков!

За решёткой появилось лицо.

Фома отступил.

Мефодий выглядел хуже, чем на кладбище днём. Он был небрит, под глазом темнел синяк, а на лбу ещё оставался след от удара.

— Вы чё тут?

— Так, — сказал Фома.

Емелька достал хлеб.

— На.

Он поднял руку, но до окна не доставал.

Мефодий посмотрел по сторонам.

— Кинь.

Емелька бросил.

Хлеб ударился о стену и упал.

— Дурак, — сказал Фома.

— Сам кинь.

Фома поднял хлеб и бросил.

На этот раз Мефодий поймал.

— Во.

Емелька достал табак.

Горшков сразу оживился.

— И это?

— Тебе.

Со второго раза табак тоже попал в окно.

Мефодий спрятал его.

— Спасибо, ребята.

Фома почувствовал себя ещё хуже. Было бы гораздо легче, если бы Горшков оказался неблагодарным.

— Тебя судить будут? — спросил Емелька.

— Будут.

— Скоро?

— Кто их знает.

Мефодий помолчал.

— Плохо моё дело.

Фома смотрел на землю.

— А ты... точно ничего не помнишь?

Горшков вздохнул.

— Помню, как ругались. Помню, доктор меня доской. А дальше темно.

Фома поднял голову.

— Может, ты не убивал.

Мефодий посмотрел на него.

Фома испугался собственных слов.

— Ну... раз не помнишь.

— Егор видел.

— Он мог...

Емелька толкнул Фому локтем. Фома замолчал. Мефодий этого не заметил.

— Егор врать не станет. Ему зачем?

Фома ничего не ответил.

— Я пьяный был, — продолжал Горшков. — Когда пьяный, всякое бывало. Дрался. Ножом махал. Один раз человека чуть не порезал.

Он провёл рукой по лицу.

— Но доктора я не хотел убивать.

— Он тебя ударил, — сказал Емелька.

— Ударил. Скверный был человек.

Горшков помолчал.

— Но врач хороший, хоть и еврей, конечно.

Фома вспомнил разговор тётки Марьи с соседкой.

— Меня он тоже лечил, — сказал Мефодий. — Года два назад. Ногу мне бревном при-
давило. Я денег не имел. Он ругался, орал, что я пьяная скотина.

— А потом? — спросил Емелька.

— Вылечил.

Горшков посмотрел на свои ноги.

— Денег не взял.

Фома почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Может, всё-таки не ты.

Мефодий грустно улыбнулся.

— Хороший ты парень, Фомка.

Это было хуже всего, что он мог сказать.

— И ты, Емелька. Другие мальчишки сюда приходят посмотреть на убийцу. Камнями
кидали вчера. А вы хлеб принесли.

Он снова улыбнулся.

— Спасибо вам.

Фома отвернулся.

Если бы Горшков попросил их спасти его, было бы легче. Можно было бы сказать, что они не могут.

Но Мефодий ни о чём не просил. Он считал себя виновным.

— Идите, — сказал он. — А то увидят ещё.

Они отошли.

Фома молчал до самой реки.

Потом сказал:

— Емелька.

— Чё?

— Так нельзя.

Емелька посмотрел на него.

— Знаю.

— Надо рассказать. Плевать на клятву.

Емелька остановился.

Фома тоже остановился.

Сказать это оказалось страшно. Клятва была написана кровью. Ещё несколько дней назад нарушение такой клятвы казалось Фоме одним из самых ужасных преступлений, какие может совершить человек.

Теперь перед ним стоял Мефодий Горшков и благодарил за хлеб.

— Не сейчас, — сказал Емелька.

— А когда?

— Не знаю.

Фома посмотрел на него.

Емелька добавил:

— Пока Егор тут ходит — не скажем.

Фома хотел спорить. Потом вспомнил кладбище.

— Пока не скажем, — согласился он.

Это было трусливо. Оба это понимали. Но иногда человек сначала решает поступить правильно, а потом начинает думать, как остаться после этого живым.

Глава 7. Синий Утёс

Через несколько дней Фома поссорился с Варей окончательно.

До этого они уже несколько раз успели помириться и снова поссориться, поэтому окончательность была не совсем окончательной. Но в тот день Фома этого ещё не знал.

Он встретил Варю после занятий возле моста через Ушайку. Фома заранее решил, что будет держаться холодно. Варя, по-видимому, решила то же самое.

Они прошли мимо друг друга. Фома остановился, а Варя нет. Это было оскорбительно.

— Варя!

Она обернулась.

— Чё?

— Ничего.

— Тогда зачем позвал?

— Просто так.

— Просто так зовет дурак!

И пошла дальше.

Фома некоторое время смотрел ей вслед.

— Сама дура.

Варя даже не обернулась.

Теперь всё было действительно кончено.

Домой Фома вернулся мрачный. Там его ждали новые неприятности. Сидор сообщил тётке Марье, что Фома утром не вымыл сапоги.

— Потому что чистые были.

— Грязные, — сказал Сидор.

— Сам ты грязный.

— Фома! — сказала тётка Марья.

Фома посмотрел на Сидора. Сидор имел выражение лица человека, исполнившего свой долг. Фома подумал, что некоторые люди рождаются именно для того, чтобы сообщать взрослым о чужих сапогах.

— Иди вымой, — сказала тётка.

Фома взял сапоги и вышел во двор.

Через полчаса он уже сидел с Егором Гусельниковым за сараем.

Егор тоже был несчастен.

— Меня мать выпорола.

— За чё?

— За сметану.

Фома вспомнил прежнюю историю.

— Опять кошка съела?

— Нет.

— А кто?

— Я.

Фома посмотрел на него.

— Тогда за дело.

— Не за дело.

— Как не за дело, если ты съел?

— В прошлый раз не ел, а меня выпороли. Теперь я съел. Значит, в прошлый раз зря пороли.

В этом рассуждении была некоторая справедливость.

— А сейчас?

— А сейчас второй раз за одну сметану получается.

Фома подумал и согласился:

— Несправедливо.

Егор вздохнул.

— Уйду из дома.

Фома посмотрел на него. Ещё утром он сам об этом не думал. Но теперь предложение показалось чрезвычайно разумным.

Дома был Сидор. В училище были учителя. В гимназии была Варя. На Вознесенском кладбище был мёртвый доктор Робинсон, а где-то в Томске ходил Остяк Егор.

Вообще город в последнее время сильно испортился.

— Я тоже уйду.

Егор оживился.

— Куда?

Фома задумался. Когда человек решает навсегда покинуть общество, желательно заранее знать, куда именно.

— В тайгу.

Егор посмотрел на него с уважением.

Тайги вокруг Томска было достаточно.

— Далеко?

— На Синий Утёс.

— Это не очень далеко.

— А нам зачем далеко?

— Будем разбойниками? — спросил Егор.

— Нет.

Егор удивился.

— А кем?

Фома задумался.

Разбойниками они уже были. Получилось не особенно хорошо. После Вознесенского кладбища само слово стало звучать хуже.

— Вольными людьми.

Это понравилось обоим. Оставалось позвать Емельку. Его нашли возле пристани. Емелька сидел на бревне и чинил верёвкой башмак.

— Мы уходим, — сказал Фома.

Емелька продолжал возиться с башмаком.

— Куда?

— На Синий Утёс.

— Зачем?

— Жить.

— А есть чё будете?

Фома и Егор переглянулись. Об этом они ещё не думали.

— Рыбу ловить, — сказал Фома.

— Чем?

— Руками.

Емелька снова занялся башмаком.

— Идите.

— Ты с нами.

— Зачем?

— Ты тоже вольный человек.

— Я и тут вольный.

Это было затруднение, которого Фома не предусмотрел. Емельке не надо было убегать из дома, потому что дома у него почти не было. Никто не заставлял его мыть сапоги. Никто не запрещал ему дружить с самим собой. И Варя Крышникова с ним тоже не ссорилась.

— В городе плохо, — сказал Фома.

— Мне нормально.

— Горшкова посадили.

Емелька перестал чинить башмак. Фома сразу понял, что нашёл правильную причину.

— А Егор ходит свободный.

Емелька посмотрел на реку.

— На Синем Утёсе нас не найдёт.

Емелька подумал.

— Спички есть?

— Найдём.

— Топор?

— Возьмём.

— Еда?

— Возьмём.

— Леска?

Фома начинал понимать, почему без Емельки им действительно нельзя уходить в тайгу.

— Возьмём.

— Соль?

— Зачем?

Емелька посмотрел на него.

— Рыбу без соли жрал?

— Нет.

— Вот и узнаешь.

Он натянул башмак и встал.

— Когда идём?

— Завтра.

— Лучше ночью.

— Почему?

— Потому что, если навсегда из дома уходишь, днём тебя не отпустят.

Это тоже было разумно.

Они договорились встретиться поздно вечером в конце Солдатской улицы, там, где началась дорога на Спасское.

Фома пошёл домой готовиться к новой жизни. Подготовка оказалась сложнее, чем он ожидал.

Нужно было взять хлеб так, чтобы тётка Марья не заметила. Нужно было найти спички, нож, кружку и что-нибудь тёплое. Топор незаметно унести было труднее всего.

Фома некоторое время ходил по двору и смотрел на топор.

— Чё ты там? — спросил из окна Сидор.

Фома понял, что перед уходом из общества надо решить ещё одну важную задачу.

Нужно было как-нибудь избавиться от Сидора хотя бы до вечера.

Избавиться от Сидора оказалось невозможно.

Он весь вечер находился поблизости и наблюдал за Фомой с тем вниманием, которое в других обстоятельствах могло бы сделать его хорошим учёным.

Фома сначала попытался унести топор.

— Куда? — спросил Сидор.

— Никуда.

— А топор зачем?

Фома поставил топор обратно.

Потом он завернул в тряпку хлеб.

— Это зачем?

— Есть буду.

— Весь?

— Очень голодный.

Сидор посмотрел на него подозрительно. Фома съел кусок хлеба, чтобы подтвердить свои слова. Наконец он понял, что подготовиться к бегству при Сидоре нельзя.

— Там тебя тётка звала.

— Где?

— В комнате.

Сидор ушёл.

Фома быстро сунул хлеб за пазуху, взял спички, нож и старую кружку. Топор пришлось оставить. Когда Сидор вернулся и сообщил, что тётка его не звала, Фома уже сидел спокойно.

— Ты наврал.

— Ошибся.

Фома лёг вместе со всеми. Он ждал. Дом затих. Тётка Марья перестала ходить. Сидор уснул. Фома осторожно поднялся.

— Ты куда? — спросил Сидор.

Фома чуть не упал.

— Спи.

— А ты куда?

— Пить.

Фома вышел, попил воды и вернулся. Через некоторое время Сидор снова уснул. Фома подождал ещё. На этот раз он встал совсем тихо. Сидор не пошевелился.

Фома взял приготовленный узел и вышел во двор. Топор стоял возле сарая. Он подумал и всё-таки взял его.

У ворот Фома остановился.

Дом был тёмный. За окном спала тётка Марья. Завтра она проснётся и обнаружит, что племянник исчез навсегда.

Фоме стало немного жалко её. Он даже подумал оставить записку. Потом вспомнил, что человек, который уходит навсегда в тайгу, записок не оставляет. Кроме того, бумага могла разбудить Сидора.

Фома вышел на улицу.

Егор уже ждал.

У него был большой мешок.

— Чё там?

— Еда.

— Много?

— Всё, что нашёл.

Фома заглянул внутрь.

Там лежали хлеб, несколько варёных картофелин, луковица, кусок сала и банка сметаны.

— Опять сметана?

— Теперь всё равно пропадать.

— Тебя за неё третий раз выпорют.

— Я же убегаю.

Логика была безупречной.

— А ещё чё?

Егор достал деревянный пистолет.

— Зачем?

— Мало ли.

— Мы не разбойники.

— А звери?

Фома не знал, бояться ли сибирские звери деревянных пистолетов, но спорить не стал.

Емелька появился последним. У него был настоящий небольшой топор, котелок, верёвка, леска с крючками и старое одеяло. Он посмотрел на Фомин топор.

— Два зачем?

Фома сразу понял, что его топор лишний.

— А если сломается?

— Топор?

— Ага.

Емелька пожал плечами.

— Ну тащи.

Они пошли.

Солдатская улица осталась позади. Дома становились реже. Ночь была тёплая, дорога хорошо видна.

Сначала все молчали. Потом Егор спросил:

— А назад когда пойдём?

Фома остановился.

— Никогда.

Егор задумался.

— А зимой?

— Чё зимой?

— Холодно.

— Избу построим.

Емелька хмыкнул.

— Топорами?

— Да.

Емелька посмотрел на два топора.

— Тогда хорошо, что второй взяли.

Фома не понял, смеётся он или говорит серьёзно.

Они шли дальше.

Город постепенно исчезал за спиной. Впереди лежала Спасская дорога, по сторонам темнели поля и лес. Фома почувствовал себя лучше.

В городе остались реальное училище, Сидор, Варя, полиция, Горшков и Остяк Егор. Здесь ничего этого не было.

Здесь начиналась свобода. Через некоторое время из темноты донёсся скрип. Все трое остановились. Скрип повторился.

— Чё это? — тихо спросил Егор.

— Телега, — сказал Емелька.

Из темноты показалась лошадь. Навстречу ехал мужик с пустой телегой.

— Куда ночью? — спросил он.

Фома быстро ответил:

— В Спасское.

— Одни?

— Нас послали.

Мужик посмотрел на топоры, мешки и деревянный пистолет за поясом Егора.

— А-а.

Он проехал дальше.

— Зачем сказал про Спасское? — спросил Егор.

— А чё надо было?

— Что навсегда уходим.

— Тогда он в городе расскажет.

— Всё равно завтра узнают.

— Завтра можно. Сегодня нельзя.

Емелька одобрительно кивнул. Постепенно идти стало тяжелее. Фома представлял побег иначе. В книгах герой покидал родные места, а потом начинались приключения. Никто подробно не рассказывал, сколько ему пришлось пройти пешком с топором.

Под утро они сделали привал у дороги. Съели картошку и немного хлеба. Егор предложил открыть сметану, но Емелька запретил.

— Прокиснет, — сказал Егор.

— Тогда утром съедим.

— Уже утро.

— Тогда съедим.

Сметану съели. После этого идти стало легче.

Солнце поднялось, и местность вокруг перестала быть дикой. Показались обработанные поля. Вдалеке был виден дым.

Егор остановился.

— Там люди.

— Где? — спросил Фома.

— Вон.

Фома посмотрел.

Дальше действительно было жильё.

— Это Спасское, — сказал Емелька.

— Знаю.

— Ты говорил, людей нет.

— На Утёсе нет.

Они свернули с дороги.

Через некоторое время между деревьями показалась церковь.

Емелька сказал:

— Вон Спасское.

— Не смотри туда.

Емелька посмотрел на Фому.

— Почему?

— Мы ушли от людей.

— А они от нас не ушли.

Фома ускорил шаг. Лес становился гуще. Запахло сосной. Потом впереди между деревьями блеснула Томь. Мальчики вышли к высокому берегу. Внизу лежала широкая река. За ней до самого горизонта тянулся лес.

Фома остановился.

Теперь всё наконец выглядело правильно.

— Вот, — сказал он. — Тайга.

Емелька посмотрел через реку.

— Тайга там.

Фома посмотрел на него.

— И здесь тоже.

— Здесь бор.

— Это почти одно и то же.

Емелька спорить не стал. Егор сбросил мешок.

— Значит, тут живём?

Фома посмотрел на реку, на сосны и высокий берег.

Томска не было видно.

— Тут.

Они ушли из общества навсегда.

До дома было около шестнадцати вёрст.

Первым делом вольные люди решили построить жилище. Фома хотел шалаш. Егор хотел пещеру. Емелька хотел сначала наловить рыбы.

— Жить где будем? — спросил Фома.

— Есть захочешь раньше.

— Мы только ели.

— К вечеру опять захочешь.

Это было неприятное свойство человеческого организма, которого приключенческие книги касались недостаточно подробно.

Пещеру искать всё-таки пошли.

На Синем Утёсе было достаточно камней, обрывов и мест, которые издали казались входами в огромные подземелья. Вблизи первое оказалось ямой, второе — щелью, куда не пролезал даже Егор, а третье кончалось через несколько шагов.

Фома решил строить шалаш.

Они выбрали место среди сосен подальше от дороги. Фома руководил. Емелька рубил ветки. Егор таскал их.

Через час шалаш был готов. Он получился низкий, кривой и падал, если задеть одну определённую ветку.

Фома осмотрел его.

— Настоящий разбойничий.

— Мы же не разбойники, — напомнил Егор.

— Ну вольный.

Емелька залез внутрь. Ветка сдвинулась, и половина крыши упала ему на голову. Пришлось строить заново.

К полудню у них было жилище, костёр и место для припасов. Фома почувствовал гордость. В городе взрослые постоянно говорили, что мальчики ничего не умеют. Между тем они всего за несколько часов основали новое поселение.

Правда, большую часть полезной работы сделал Емелька.

Потом пошли к реке. Вода была холодная. Фома вошёл по колено, постоял и вышел.

— Чё? — спросил Егор.

— Проверил.

— Чё проверил?

— Воду.

Емелька разделся и полез дальше. Тогда Фоме пришлось вернуться. Через несколько минут все трое уже купались. Фома забыл и про Варю, и про Горшкова, и про кладбище. Они ныряли, брызгались и пытались столкнуть друг друга с камней.

Потом легли на берегу.

Солнце грело.

Никто не звал в училище. Никто не требовал вымыть сапоги. Никто не спрашивал, где они были и почему вернулись поздно.

— Хорошо тут, — сказал Егор.

— Я же говорил, — ответил Фома.

Даже Емелька согласился. После купания захотелось есть. Они развели костёр и занялись рыбой. Емелька дал Фоме удочку.

— Сиди.

Фома сидел.

Через некоторое время ему надоело.

— Она клюёт?

— Когда клюнет, увидишь.

— А когда?

— Откуда я знаю?

Фома посидел ещё.

— Долго.

Егор ловил рядом и тоже ничего не поймал. Через полчаса Фома предложил ловить руками. Емелька разрешил. Через десять минут Фома вернулся мокрый и без рыбы.

Наконец Емелька вытащил небольшую рыбу. Потом вторую. Фома поймал одну и сразу решил, что научился. Егор не поймал ничего, зато обнаружил, что оставленный без присмотра хлеб кто-то растащил.

— Фомка!

Фома прибежал.

На земле лежала разорванная тряпка. Часть хлеба исчезла.

— Кто это?

— Не знаю.

Егор оглядел лес.

— Зверь.

Фома тоже огляделся.

Слово «зверь» в городе звучало интереснее.

— Медведь?

Емелька подошёл и посмотрел на следы.

— Собака.

— Откуда тут собака?

— Из Спасского.

Фома нахмурился. Спасское начинало мешать их жизни вдали от людей.

Рыбу приготовили на костре. Первую сожгли. Вторая осталась сырой возле хребта.

Третью съели.

— Соли давай, — сказал Емелька.

Выяснилось, что соль никто не взял, так что рыбу съели без нее. После еды захотелось пить. Воду взяли из Томи.

Потом Фома решил, что пора заниматься настоящей вольной жизнью. Они исследовали утёс, нашли несколько удобных спусков к реке, поваленное дерево, старое кострище и следы людей.

— Здесь кто-то был, — сказал Егор.

— Давно.

Емелька потрогал угли.

— Вчера.

Фома не ответил. Чуть дальше нашли коровий помёт.

— Это лось, — сказал Фома.

Емелька посмотрел.

— Корова.

— Откуда?

— Из Спасского.

— Ты всё Спасское приплетаешь.

— Корова сама пришла.

Фома пошёл дальше. К вечеру они устали. Солнце опускалось за лес. Над Томью поднялся туман. В бору стало прохладнее.

Мальчики сидели возле костра. Егор достал последнюю картофелину. Разделили на троих.

— Завтра ещё рыбы наловим, — сказал Фома.

— Наловим, — согласился Емелька.

— Потом ягод найдем.

Стемнело.

Вместе с темнотой появились комары. Сначала несколько. Потом много. Через полчаса выяснилось, что Синий Утёс уже занят. Комары считали его своим.

Егор хлопал себя по лицу. Фома сидел ближе к дыму. Емелька завернулся в одеяло.

— В тайге всегда так? — спросил Егор.

— Это не тайга, — сказал Емелька.

Фома посмотрел на него.

— Молчи.

Они полезли в шалаш.

Там было тесно.

Фома лежал с краю. Егор упирался ему коленом в спину. Емельке досталось место возле входа.

Через некоторое время Егор сказал:

— Мне ветка мешает.

— Спи.

Егор убрал ветку. Крыша немного просела.

— Не эту!

Они вылезли и поправили шалаш.

Потом легли снова.

Начал дуть ветер с реки.

— Холодно, — сказал Егор.

— Вольным людям не холодно, — ответил Фома.

— Мне холодно.

— Терпи.

Через некоторое время холодно стало и Фоме. Он лежал, слушал Томь и смотрел через ветки на звёзды. Несмотря на холод, комаров, несолёную рыбу и колено Егора, ему было хорошо. Он действительно ушёл.

Где-то далеко тётка Марья уже, наверное, нашла пустую постель. Сидор, конечно, рассказал всё, что знал. В училище завтра обнаружат, что Фомы Пильнякова нет. А здесь никто не знал, где он.

Фома улыбнулся.

— Чё? — сонно спросил Емелька.

— Ничего.

— Тогда спи.

Фома закрыл глаза.

Через минуту Егор спросил:

— А медведи тут есть?

Никто ему не ответил.

Утром оказалось, что ночью никто не пришёл.

Ни медведи, ни разбойники, ни Остяк Егор.

Это немного разочаровало Фому.

Зато пришёл дождь.

Сначала закапало редко. Мальчики решили не обращать внимания. Потом дождь усилился, и они спрятались в шалаш. Через несколько минут вода начала капать внутрь.

— Крыша течёт, — сказал Егор.

Емелька накрыл голову одеялом. Фома попытался поправить ветки изнутри. Крыша обвалилась. Пришлось вылезать.

Они сидели под соснами, мокрые и злые, пока дождь не закончился. Потом появилось солнце.

— Хорошо, что навсегда ушли летом, — сказал Емелька.

Фома сделал вид, что не слышал. После дождя развели костёр. Это оказалось труднее, чем вчера. Спички отсырели, сухих веток было мало. Емелька долго возился, наконец появился дым, потом огонь.

Фома решил, что сегодня они наловят много рыбы, насобирают ягод и к вечеру будут жить лучше, чем в Томске. Через два часа у них было четыре небольшие рыбы и горсть каких-то ягод, которые Емелька запретил есть.

— Почему?

— Не знаю, ядовитые или нет.

Фома посмотрел на ягоды и решил подождать, пока найдутся другие.

К полудню жизнь стала налаживаться. Рыбу на этот раз не сожгли. Емелька нашёл место, где можно было удобно спуститься к воде. Фома и Егор укрепили шалаш.

Потом они устроили разбойничье нападение на проходившую по реке лодку. Лодка была далеко внизу, поэтому нападение состояло в том, что Фома спрятался за сосной и сказал:

— Стой! Кошелёк или жизнь!

Люди в лодке ничего не слышали.

— Сдались, — сказал Егор.

— Конечно.

После обеда они полезли на утёс. Оттуда Томь была видна далеко в обе стороны. Емелька первым заметил лодки.

— Гляди.

По реке шло несколько лодок.

— Ну и чё?

— Много.

Фома посмотрел.

Лодки действительно держались недалеко друг от друга. Люди в них время от времени подходили к берегу.

— Рыбачат.

— Все вместе?

Одна лодка остановилась. С неё донёсся крик. Слова разобрать было невозможно. С другой лодки ответили. Егор подошёл ближе к краю.

— Может, кого ищут.

Фома сразу почувствовал интерес.

— Кого?

— Откуда я знаю?

Они стали наблюдать.

Лодки медленно двигались по Томи. Люди осматривали берег, заводы, коряги.

Емелька сказал:

— Утопленника ищут.

Фома вспомнил, как взрослые рассказывали о поисках утонувших.

— Наверно.

— Несколько лодок?

— Может, важный утопленник.

Егор вдруг сказал:

— А если нас?

Фома посмотрел на него.

— Чё нас?

— Ищут.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Фома рассмеялся.

— Откуда им знать, что мы здесь?

— Не здесь. В реке.

Фома перестал смеяться. Емелька тоже понял.

— Решили, что утонут.

Эта мысль была настолько замечательной, что Фома сначала не поверил. Он снова посмотрел вниз. Лодки искали кого-то в воде.

— Почему решили?

— Пропали трое мальчишек, — сказал Емелька. — Томь рядом.

— Мы записки не оставили.

— Вот именно.

Егор побледнел.

— Мать думает, я утонул?

Фома почувствовал первый прилив гордости. Весь Томск, возможно, искал их. Тётка Марья плакала.

Сидор наверняка тоже был расстроен. Хотя в случае Сидора Фома не был уверен. В училище учителя говорили о Фоме Пильнякове. Варя узнала, что он погиб.

Последняя мысль была особенно приятной. Фома представил Варю. Она сидит и плачет. Потом вспоминает, как назвала его дураком. Плачет ещё сильнее. Возможно, говорит, что никогда себя не простит.

Фома почувствовал, что утонуть – это было хорошо придумано.

— Надо домой, — сказал Егор.

Фома повернулся.

— Зачем?

— Мать думает, я утонул.

— Пусть.

— Она плачет.

— Моя тоже.

— И чё?

— Мы вольные люди.

Егор не выглядел убеждённым.

— Можно сходить сказать, что живые.

— Тогда нас вернут.

— А потом опять уйдём.

— Уже не отпустят.

Емелька сидел на корточках и смотрел на лодки.

— Они долго искать будут.

— Потом перестанут, — сказал Фома.

— Почему?

— Решат, что утонули.

Егор посмотрел на реку.

— Так они уже решили.

Фома ничего не ответил. Снизу снова донёсся крик. Мальчики пригнулись, хотя их никто не мог слышать. Одна из лодок подошла ближе к берегу. Теперь различались голоса.

— Сюда идут, — сказал Егор.

— Тихо.

Они отползли от края. Через некоторое время слышались шаги. Кто-то поднимался по берегу. Фома приложил палец к губам. Мальчики спрятались среди кустов. Показались двое мужчин. Один нёс багор.

— Тут смотрели? — спросил другой.

— Вчера нет.

— Выше ещё пройдем.

— Трое сразу... Господи.

Они прошли совсем близко.

Мальчики не двигались.

— Пильняков-то чей? — спросил первый.

— Вдовы Пильняковой племянник. На Солдатской живут.

— Говорят, всю ночь искала.

Фома опустил глаза.

— А второй?

— Гусельников.

— Третий этот, беспризорный. Брусничкин.

Емелька усмехнулся.

— Тише, — прошептал Фома.

Мужчины пошли дальше.

— Может, вниз снесло, — донёсся голос.

Шаги затихли. Егор первым вылез из кустов.

— Фомка.

— Чё?

— Они точно нас ищут.

— Я слышал.

— Домой надо.

Фома молчал. Он тоже теперь думал о тётке Марье.

Но вместе с этим он думал о другом. Томск считал их погибшими. Такое событие случается с человеком не каждый день. Вернуться домой сейчас означало всё испортить.

— Подождём, — сказал он.

— Чего?

Фома ещё сам не знал.

Но уже чувствовал, что просто вернуться домой после собственной смерти было бы слишком скучно.

— Я ночью схожу в город.

— Зачем?

— Посмотрю.

К вечеру поисковые лодки ушли вниз по реке. Мальчики снова развели костёр, но теперь вели себя тише. Фома долго смотрел на огонь. Вчера он убежал из Томска. Сегодня Томск решил, что Фома умер.

Фома вышел после заката.

Емелька хотел идти с ним, но Фома не разрешил.

— Если нас обоих поймают, Егор один останется.

— Я тоже пойду, — сказал Егор.

— Тогда вообще никого не останется.

Это убедило всех.

Фома взял кусок хлеба и пошёл обратно к Спасской дороге. За день он уже привык к лесу, поэтому дорога показалась почти городской улицей. Главное было не встретить знакомых.

Первые несколько вёрст он шёл быстро. Потом стало темно. Вчера они шли втроём, разговаривали и боялись медведей. Теперь Фома был один и обнаружил, что медведи от этого стали гораздо вероятнее. Каждый куст иногда оказывался медведем. Потом снова становился кустом.

Один раз впереди что-то зашевелилось. Фома остановился. Из темноты вышла корова.

— Тьфу ты.

Корова посмотрела на него и продолжила есть траву.

— Из Спасского, — сказал Фома.

Ему стало веселее.

К Томску он подошёл поздно ночью.

Здесь появилась другая опасность. Медведей стало меньше, зато людей больше. Фома свернул с дороги и пробрался к Солдатской улице дворами.

Возле собственного дома он остановился. В окнах ещё горел свет. Фома перелез через знакомый забор. После всех приключений последних дней этот забор показался ему почти родным.

Во дворе никого не было. Фома подошёл к окну. Оно было приоткрыто.

В комнате сидели тётка Марья, Сидор и соседка. На столе горела лампа.

Тётка Марья выглядела так, что Фоме сразу расхотелось веселиться.

Она сидела неподвижно и смотрела перед собой.

Соседка говорила:

— Может, найдутся ещё.

— Третий день, — ответила тётка.

— Всякое бывает.

— Где он три дня будет?

Фома подумал, что ответить на этот вопрос довольно легко. Сидор сидел тихо. Фома никогда не видел его таким.

— Я же заметил, — сказал Сидор.

Фома насторожился.

— Чё заметил?

— Он на топор смотрел. И хлеб куда-то прятал. Я тебе говорил.

— Не говорил.

— Я не понял тогда.

— Вот и молчи.

Сидор замолчал. Фома испытал некоторое удовлетворение. Даже после смерти приятно было узнать, что Сидор получил выговор.

— С Емелькой связался, — сказала соседка. — Тот куда угодно заведёт.

Фома возмутился. Это было несправедливо. На Синий Утёс всех привёл именно он.

— Емелька тут ни при чём, — сказала тётка Марья. — Фома сам кого хочешь заведёт.

Фома сразу простил ей всё. Некоторое время молчали. Потом соседка сказала:

— Завтра опять по реке пойдут.

Тётка Марья закрыла лицо руками.

— Найдут хоть...

Она не договорила. Фома перестал улыбаться. Он уже достал из кармана бумажку. Записку написал ещё на дороге:

«Тётка, я живой. Не плачь. Скоро приду. Фома».

Почерк в темноте получился плохой, но разобрать было можно. Надо было только положить записку так, чтобы утром её нашли. Фома уже собирался обойти дом и пробраться внутрь, когда соседка сказала:

— В воскресенье службу за них закажут.

Фома замер.

— Рано ещё, — сказала тётка Марья.

— Народ говорит, надежды мало.

— Пусть народ за собой смотрит.

— Я не про то. Всё равно помолиться надо. И Гусельниковы придут.

— Приду, — тихо сказала тётка.

Фома медленно убрал записку обратно. Ого. Служба. Весь город будет считать их мёртвыми. Тётка Марья будет там. Гусельниковы. Учителя. Может быть, Вальтер. Может быть, судья Крышников. И Варя.

Фома почувствовал, что перед ним открывается возможность, какой не было ни у одного мальчика в Томске. Побывать на собственных похоронах.

Он ещё немного постоял у окна. Тётка Марья снова заговорила:

— Я его всё ругала. За варенье, за училище, за драки. Будто от этого толк был.

— Ты ему добра хотела, — сказала соседка.

— Хотела.

Она вытерла глаза.

— А он ведь хороший был мальчишка.

Фома был совершенно согласен.

— Добрый, — продолжала тётка. — Только дурной.

Фома нахмурился.

— И врал все время.

Он нахмурился сильнее.

— И не слушался.

Соседка вздохнула.

— Все мальчишки такие.

— Нет. Сидор вот слушается.

Сидор выпрямился. Фома едва не постучал в окно.

— А Фома... — тётка Марья снова заплакала. — Господи, хоть бы живой вернулся. Я бы его больше никогда не била.

Фома сразу успокоился. Это было важное обещание. Его нужно было хорошенько запормнить.

Через некоторое время соседка ушла. Тётка Марья велела Сидору ложиться.

Фома подождал. Можно было войти прямо сейчас. Тётка закричит, обнимет его. Потом он расскажет, что Егор и Емелька тоже живы. Всё закончится.

Фома представил это.

Потом представил воскресенье. Нет. Такой случай нельзя было пропустить.

Он тихо перелез обратно через забор. На обратном пути Фома уже почти не боялся медведей. Он придумывал возвращение.

К рассвету добрался до лагеря. Емелька не спал.

— Ну?

Фома сел возле погасшего костра.

— Плачут.

Егор сразу проснулся.

— И мать?

— Все.

Егор помрачнел.

— Надо идти.

— Пойдём.

— Сейчас?

— В воскресенье.

Емелька посмотрел на Фому.

— Почему в воскресенье?

Фома улыбнулся.

— Нас хоронить будут.

Егор сел.

— Как хоронить?

— Как утонувших.

— Так мы не утонули.

— Вот это самое интересное.

Емелька некоторое время смотрел на него. Потом понял.

— Ты хочешь прийти?

— Все придём.

— На свои поминки?

— Ага.

Егор тоже понял.

Несколько секунд он боролся с совестью.

Совесть проиграла.

— А народу много будет?

— Думаю, много.

— Варя будет? — спросил Емелька.

Фома посмотрел на него.

— При чём тут Варя?

— Ни при чём.

— Может, будет.

Емелька лёг обратно.

— Тогда понятно.

Фома толкнул его ногой. Емелька засмеялся. Всё было решено.

До воскресенья они оставались мёртвыми.

До воскресенья жить мёртвыми оказалось приятно.

После ночного похода Фома рассказал всё подробнее. Особенно долго он пересказывал слова тётки Марьи.

— Сказала, хороший был?

— Сказала.

— Про меня чём-нибудь говорили? — спросил Егор.

Фома задумался.

— Гусельниковы придут.

— А мать плакала?

— Я её не видел.

Егор немного огорчился.

— Наверно, плачет, — сказал Фома.

Это его утешило. Емелька ничего не спрашивал.

— А про тебя говорили, — сказал Фома.

— Чё?

— Что ты нас куда угодно заведёшь.

— А.

— Я хотел сказать, что это я придумал.

— Хорошо, что не сказал.

Емелька был единственным из троих, кому собственная смерть почти ничего не прибавляла. Фому оплакивала тётка Марья, Егора — мать. Емельку, возможно, тоже кто-нибудь жалел, но выяснить кто было трудно.

Зато ему нравилось жить в лесу.

За следующие дни мальчики устроились гораздо лучше. Нашли место для ловли рыбы, натаскали сухих веток, починили шалаш. Емелька обнаружил съедобные ягоды и запретил Фоме собирать другие.

Они купались, лазили по утёсу, бросали камни вниз и спорили, кто проживёт в тайге дольше всех. Фома утверждал, что год. Егор — всю жизнь.

Емелька сказал:

— До первого снега.

— А потом? — спросил Фома.

— Замёрзнете.

К воскресенью запасы кончились почти полностью. Утром они потушили костёр и разобрали шалаш.

Егор не хотел.

— А если вернёмся?

— Мы домой идём, — сказал Фома.

— Потом опять убежим.

— Новый построим.

Емелька забрал леску, топор и одеяло. Фома взял свой топор. Егор оставил деревянный пистолет за поясом.

— Убери, — сказал Фома.

— Почему?

— Мы покойники, а не разбойники.

— Покойникам пистолет нельзя?

— На поминках нельзя.

Егор спрятал его в мешок.

В Томск они вошли не по Спасской дороге. Фома опасался, что их увидят раньше времени, поэтому последние вёрсты шли стороной, прятались от телег и обходили встречных. Один раз пришлось почти десять минут лежать в траве из-за старухи с коровой.

К полудню они добрались до окраины. Здесь началось самое трудное. В городе невозможно было пройти несколько улиц, не встретив человека.

Мальчики двигались дворами, переулками и огородами. Один раз на них залаяла собака. Другой раз Фома чуть не столкнулся со знакомым торговцем и успел спрятаться за поленницей.

Наконец добрались до Благовещенского собора. Возле него стоял народ. Фома выглянул из-за угла.

— Много, — сказал Егор.

Людей действительно было много.

Пришли Пильняковы. Пришли Гусельниковы. Были мальчики из училища. Фома заметил Вальтера. Потом увидел судью Крышникова. Рядом стояла Варя. Фома сразу поправил волосы. Емелька заметил.

— Ты же утонул.

— И чё?

— Ничего.

Они обошли собор и пробрались ближе с другой стороны.

Фома заранее придумал, что войти надо не сразу.

— Почему? — спросил Егор.

— Чтобы успели погрузить.

Ждать пришлось долго.

Егор начал есть оставшийся кусок хлеба.

— Ты на собственных поминках ешь? — возмутился Фома.

— Есть хочу.

Емелька попросил половину. Фома тоже взял кусок. Наконец они услышали пение.

Фома выглянул. Внутри было тихо. Люди стояли со свечами.

Тётка Марья была впереди.

Рядом Сидор.

Мать Егора плакала.

Егор сразу перестал жевать.

— Пойдём?

Фома покачал головой.

Он искал Варю. Она стояла рядом с отцом и смотрела вниз. Фома решил, что она тоже плакала. Теперь можно было входить.

— За мной, — сказал он.

— А если побьют? — спросил Егор.

Фома вспомнил обещание тётки Марьи.

— Меня не будут.

— А меня?

— Не знаю.

Егор задумался, но отступать было поздно. Они вошли. Сначала никто их не заметил.

Фома шёл впереди. За ним Егор. Последним Емелька.

Одежда на них была грязная, лица обгорели на солнце, волосы торчали во все стороны.

От всех троих пахло дымом.

Первым их увидел Сидор.

Он открыл рот.

Фома приложил палец к губам.

Это не помогло.

— Фома!

Все обернулись.

На несколько секунд в соборе стало совершенно тихо.

Тётка Марья смотрела на Фому.

Мать Егора смотрела на Егора.

Судья Крышников смотрел на всех троих.

Варя смотрела только на Фому.

Фома почувствовал, что момент получился именно таким, как надо.

Тётка Марья бросилась к нему.

— Живой!

Она обняла Фому так сильно, что ему стало трудно дышать.

— Тётка...

— Живой!

Потом она отстранилась.

Фома улыбнулся.

Тётка Марья ударила его.

— Ай!

— Ах ты мерзавец!

— Ты обещала!

— Чё обещала?

— Что больше никогда!

Тётка Марья замерла.

— Ты откуда знаешь?

Фома понял, что допустил ошибку.

— Мне приснилось.

Тётка посмотрела на него.

— Потом поговорим.

Это было хуже побоев.

Рядом мать Егора сначала целовала сына, потом тоже начала его бить.

— Я утонул! — закричал Егор.

— Сейчас утонешь!

Емелька стоял немного в стороне. К нему никто не бросился. Фома заметил это. Он вывернулся из рук тётки Марьи.

— Емелька тоже живой!

— Вижу, — сказала она.

И вдруг подошла к Емельке и обняла его. Емелька растерялся гораздо сильнее, чем на кладбище при убийстве доктора Робинсона.

— Ты чего, тётка Марья?

— Молчи.

— Я ничего.

— Вот и молчи.

Емелька замолчал. Фома посмотрел на Варю. Она стояла рядом с отцом. Глаза у неё были красные. Фома улыбнулся. Варя отвернулась. Это было не совсем то, чего он ожидал. Через секунду она снова посмотрела. Фома улыбнулся ещё раз. Варя показала ему язык.

Теперь всё было в порядке.

Люди вокруг заговорили одновременно. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то кричал. Мальчишки из училища окружили троих воскресших и требовали рассказать, где они были.

Фома отвечал не сразу.

Он понимал, что теперь эта история принадлежит ему.

Ещё утром Фома Пильняков был утопленником.

К полудню он воскрес.

А к вечеру половина Томска должна была узнать, как трое мальчиков ушли в тайгу и прожили там одни несколько дней.

Фома решил, что про Спасское лучше не рассказывать.

Глава 8. Герой Томска

В понедельник Фома пришёл в училище знаменитым.

Он понял это ещё на улице. Обычно никто особенно не интересовался, пришёл Пильняков или нет. Теперь возле ворот его заметили сразу.

— Фомка!

К нему побежали мальчишки.

— Правда, вы три дня в тайге жили?

— Правда.

— На Синем Утёсе? А медведя видели?

Фома хотел ответить «нет», но вопрос был задан при слишком большом количестве слушателей.

— Не совсем.

— Как это?

— Следы видели.

Следов они тоже не видели.

— Большие?

— Огромные.

— А волки?

— Волков там полно.

Фома никогда не видел на Синем Утёсе ни одного волка, но был уверен, что где-нибудь они там должны быть.

— А ели чё?

— Рыбу.

— Сырую?

— Зачем сырую? Жарили.

— На костре?

— Конечно.

— А ночью?

— Ночью костёр жгли.

— А спали где?

— В тайге.

— Прямо на земле?

Фома решил, что рассказывать про кривой шалаш, из которого их выгнал дождь, необязательно.

— Где придётся.

Мальчишки смотрели с уважением.

Фома вошёл во двор.

Там его ждала вторая группа.

К началу занятий история уже немного изменилась. Теперь трое беглецов ушли почти на двадцать вёрст, жили в самой настоящей тайге, питались одной рыбой и ягодами и ночью поддерживали костёр, чтобы к ним не подошли звери.

Фома пока не говорил, что звери действительно подходили. Но был близок к этому.

В классе учитель дождался, пока все сядут.

— Пильняков.

Фома встал.

— Где вы находились три дня?

— На Синем Утёсе.

— Я уже слышал.

По классу прошёл смешок.

— По какой причине вы не посещали училище?

Фома задумался. Ответ «меня считали утонувшим» объяснял последствия, но не причину.

— По семейным обстоятельствам.

Класс засмеялся.

— Тихо! Пильняков, ваши семейные обстоятельства заключались в побеге из дома?

— Получается, да.

— Садитесь.

Фома сел. Учитель некоторое время смотрел на него.

— После занятий останетесь.

Слава имела недостатки.

На перемене Фому снова окружили. Теперь его спрашивали, как они спасались от медведя.

Фома не помнил, чтобы рассказывал про медведя, но отрицать его существование было уже поздно.

— Он ночью пришёл.

— Прямо к шалашу?

— Не прямо.

— А куда?

— Рядом.

— Насколько рядом?

Фома показал рукой примерно половину класса.

— Вот так.

Мальчишки ахнули.

— И чё?

— Ничего. Ушёл.

Такое окончание никого не удовлетворило.

— Сам ушёл?

— Мы его прогнали.

Это было лучше.

— Как?

Фома задумался.

— Огнём.

— Головню кинули?

— Ага.

— Попали?

— Не знаю. Темно было.

Теперь история стала хорошей.

К следующей перемене медведь уже стоял возле шалаша, Фома вышел ему навстречу с горящей головней и спас товарищей.

Фома несколько раз пытался уточнить, что всё было немного не так, но мальчишкам уточнения не нравились. К обеду медведь стал огромным. После занятий Фому оставили писать.

Когда он вышел из училища, возле ворот его ждал Егор Гусельников.

— Слышал? — спросил Егор.

— Чё?

— Про медведя.

Фома насторожился.

— А чё?

— Говорят, ты его прогнал.

— Ну.

Егор посмотрел на него.

— И когда это было?

— Ночью. Когда ты спал.

— Я все ночи плохо спал.

— Значит, в ту, когда хорошо.

Егор подумал.

— А большой был?

Фома понял, что Егор готов поверить.

— Большой.

— Жалко, я не видел.

— Ты спал.

— А Емелька видел?

— Не знаю.

Это было опасное место. Емельку они встретили вечером возле пристани.

Егор сразу спросил:

— Ты медведя видел?

— Какого?

Фома кашлянул.

— На Синем Утёсе.

Емелька посмотрел на Фому.

— Нет.

— А Фомка видел.

— Когда?

— Ночью.

Емелька продолжал смотреть на Фому.

— Наверно, когда я спал.

Фома облегчённо вздохнул. Егор ушёл домой. Емелька подождал, пока он отойдёт.

— Какой медведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.